

АЛЬЗИРА

ИЛИ

АМЕРИКАНЦЫ,
ТРАГЕДИЯ.

Сочиненіе Вольтера.

Переводъ съ Французскаго
Петра Карбанова.

33571
Изданіе шрешіе,
прошиву первыхъ въ нѣкошорыхъ
мѣстахъ исправленное.

Продается въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ въ книж-
ныхъ лавкахъ Свѣшнікова.

МОСКВА, 1811.

Въ Университетской Типографіи.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, утре-
жденнаго для Округа Императорскаго
Московскаго Университета.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АЛЬВАРЪ и ГУСМАНЪ.

АЛЬВАРЪ.

Мадриша вышній судъ свершилъ опредѣленье,
Чшобъ ты пріялъ по мнѣ, любезный сынъ, правленье;
Царю ты моему и Богу покоряй
Полсвѣна новаго богатствомъ полный край;
Давай ты для сего законы брега сира,
Родяща золото и беззаконья міра;
Я отдаю тебѣ все знаенье нравъ своихъ,
Которы спаросишь рвемъ изъ слабыхъ рукъ моихъ.
Среди Америки свои свершилъ я годы,
И Мексиканскіе мной въ первый разъ народы
Узрѣли зданія чудесны ихъ очамъ,
Парищи на крылахъ предъ ними по водамъ:
До звѣздъ Медвѣдицы отъ волнъ я Магеланскихъ
Имѣлъ себѣ вождей героевъ Касшиланскихъ;
Счастливъ, когда бы я, во мзду трудовъ моихъ,
Могъ въ крошкѣхъ Христіянъ привести героевъ сихъ!
Но льзи ли удержишь къ побѣдамъ ихъ алканъ,
Ихъ люпость славы ихъ зашмыла все сіянье;
Т долго слезы лилъ, что Богъ, великостъ давъ
Побѣдоносцамъ симъ, имъ лучший не далъ нравъ.

Прешекши додгій вѣкѣ, послѣднія зрѣніа;
 Не съ радостью мѣи лишашся ои свѣта;
 Колю испину узрю съ державою пшвей
 Въ Поповской области и городѣ Царей.

Г У С М А Н Ъ.

Я овладѣлъ съ побой сей дикой свѣта часъ;
 Въ жаракѣ сихъ побѣждалъ я подѣ спцовою;
 Правленью ошѣ себя мнѣ должно навывкашъ;
 Твоей паче принимаешь законѣ, чѣмѣ свой давашъ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Нѣшѣ, нѣшѣ, владычеству не лѣзя бышѣ раздѣленцу,
 Увидшему въ прудахѣ, лѣшами опягченцу,
 Наскучила мнѣ властѣ; довольно, колю мой гласѣ
 Въ совѣшѣ естѣ еще и въ дѣйствахѣ правитѣ васѣ.
 Повѣрь, что свойство мнѣ людей весьма извѣстно;
 Надѣ ними бышѣ, мой сынѣ, владыкою не лесно.
 Препоручу Творцу, забышу съ давныхѣ дней,
 Оспашки помные я древности моей.
 Единой милостью шѣ будь мой ушѣшитель,
 Ждетѣ оныя шѣвой другѣ и шѣбуешѣ родителѣ.
 Мой сынѣ, вручи шѣ мнѣ неважныхѣ плѣнныхѣ сихѣ,
 Кошорыхѣ задержалѣ шѣперѣ въ спѣвахѣ градскихѣ;
 Помысли, что сей день бышѣ долженѣ днемѣ ошрады,
 Не знаменемѣ суда, но знаменемѣ награды.

Г У С М А Н Ъ.

Колю сына просишѣ шѣ, ему шѣ повелѣлъ;
 Но викини, Государь! во что шѣ вдашѣся смѣлъ?
 Въ рождающійся градѣ съ нешвердыми спѣнами,
 Американцамѣ входѣ не позволимѣ нами;
 Да ихѣ не будешѣ взорѣ къ желѣзу приученѣ,
 Кошорымѣ сей народѣ надменныи укрошенѣ:

Презрицель нашихъ правъ, гоповый возмущитесь,
 Эри надъ собой владыкъ, снѣ долженъ ихъ спрашилесь
 Пускай научишься, насѣ вида, пререшашь,
 Въ насѣ мценіе и власнѣ всечасно обрѣташь.
 Американецъ злой, какъ зѣбрь ожеспоченный,
 Тренеца узы рвешь въ неволѣ заключенный;
 Покоренъ подѣ жезломъ, отъ кротосни надменъ,
 И кѣмъ ласкаемъ онѣ, мнишъ, имѣ пошѣ усрашенѣ.
 Послабой всякая въ унадокъ власнѣ приходишъ,
 А спрососнѣ завсегда покорснѣво производишъ.
 И знаю, Кастиланѣ одна плѣняетъ честь,
 Служишъ безѣ ропота, чшобъ шѣмъ себя вознесшъ;
 А шамо дѣлалъ свѣпшъ, рабы одной боязни,
 По нуждѣ служиашъ всѣ, для нихъ попребны казни.
 И боги самыя въ спранахъ ужасныхъ сихъ
 Не емлюшъ жершѣвъ, коль кровь не обагрятъ ихъ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Сколь ненавистны мѣ снѣ шпрански дѣйства!
 Ты Христїанинѣ; лъзяль полиники злодѣйства
 Любишъ въ семѣ званїи? Ты править избрашъ впредѣ,
 Чшобъ пововѣримъ здѣсь дашь Бога мира зрѣшъ.
 Иль очи грабежемъ твоимъ ненасыщенны,
 Копорымъ берега сихъ мѣстѣ опустошенны?
 И отъ воспочныхъ спранѣ за шѣмъ ли я пришелъ
 Во неизвѣстный намъ языческій предѣлъ,
 Чшобъ гнуснымъ видѣшъ мѣ среди сихъ жаровъ без-
 мѣрныхъ
 Съ Европы именемъ и имя правовѣрныхъ?
 Увы! насѣ Богѣ послалъ не шапъ себя явишъ:
 Но возвѣщашъ Его и дашь законѣ любить;
 А мы, предѣловъ сихъ рушишѣли нещадны,

Мы къ злату одному и крови полько жадны,
 Закона бѣглецы, кой надлежало ввесць;
 Мы губимъ сей народъ, кой должны приобрѣсть;
 Мы льемъ повсюду кровь, все превращаемъ прахомъ,
 Подобны небу мы единымъ полько спрахомъ!
 Такъ, съ нашимъ именемъ мы ужасъ къ нимъ несемъ;
 Гишпанецъ спрашенъ здѣсь, но мерзостенъ онъ всемъ;
 Мы, нова міра бичъ, неправы, щещивы, алчны,
 Едины мы хранимъ пирановъ души мрачны:
 Сихъ дикій жишель мѣспъ во преспощѣ родясь,
 Намъ равенъ мужесивомъ, щедрой выше насъ.
 Ахъ! естльибъ онъ шакой, какъ ты, былъ кроволишель;
 Когдабъ онъ не былъ благъ, погибъ бы швой родишель.
 Или ты позабылъ, что ими я спасенъ?
 Или ты позабылъ, что въ близости сихъ спѣнъ
 Меня спѣснилъ народъ свирѣспивомъ безподобнымъ,
 Чрезъ наше варварство содѣлавшійся злобнымъ?
 Спрой рапниковъ моихъ при мнѣ судьбу скончалъ,
 А я безъ помощи, одинъ, лишь смерти ждалъ;
 При имени моемъ они повергли сами
 Оружіе свое; тамъ юноша съ слезами
 На мѣсто, чтобъ разишь, къ моимъ упалъ ногамъ:
 „Альваръ, онъ рекъ, Альваръ! ахъ! пыль явился намъ?
 „Живи, всегда швоя нужна намъ добродѣшель;
 „Живи, и буди ты несчастнымъ благодѣшель;
 „Да варвары, спремясь намъ узы налагашь,
 „По крайней мѣрѣ симъ научашся прощашъ.
 „Несчастливый народъ, кой названъ ими дикимъ,
 „Повѣрь мнѣ, сотворенъ бышь крошкимъ и великимъ.“
 Ты спонекъ слыша по; я зрю, при вѣспи сей
 Прошиву въ ты смягчаешься своей:

Такъ челоѵчестѵо гласишь тебѣ со мною.
 Ахъ! есѵли прилѣленъ ты къ люпоспи душою,
 Съ какииъ лицемъ теперь осмѣлишь предстать
 Предъ непорочный видъ, кой долженъ ты смягчать,
 Предъ отраслю Царей страны сея несчастной,
 Чрезъ люшый рокъ швоимъ свирѣпоспимъ подвласной?
 Иль хочешь ушвердить свою, мой сынъ, любовь,
 Лиа согражданъ сихъ безъ сожалѣнья кровь?
 Иль оидаешь ты, чшобъ вопль ея и муки
 Обезоружили швои суровы руки?

Г У С М А Н Ъ.

Довольно, ты велишь; прервалъ ихъ плѣнъ Гусманъ,
 Пустъ шакъ; но должно имъ взять вѣру Християнъ;
 Законы шакъ хошашъ: язычестѵо оставишь
 Есть право вѣ сихъ мѣстахъ живишь себѣ доспавишь.
 Склонимъ ихъ сей цѣной вѣ единовѣрстѵо къ намъ,
 Принудимъ разумъ ихъ, и повелимъ сердцамъ.
 Необходимости успавъ нешобѣдимый
 Влечешъ ко олшарямъ и духъ неукропимый.
 Хочу, чшобъ бывъ рабы закона моего,
 Спрашались какъ Царя, шакъ Бога одного.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Внемли, мой сынъ: сего тебѣ желаю болъ,
 Да сядешъ истина на новомъ здѣсь прешолѣ!
 Да Богъ, Гишпанія пребудушъ безъ вратовъ;
 Но лязяль покорства ждашь отъ спраждуцихъ умовъ?
 Склонялись мнѣ сердца изъ ихъ одной добропы,
 И настоящій Богъ, мой сынъ, есть Богъ щедрыи.

Г У С М А Н Ъ.

Согласенъ, Государь, съ желаніемъ швоимъ:
 Имѣешь пошу власъ надъ сыномъ ты швоимъ.

Такъ, ты бы овладѣлъ и звѣрскими сердцами ;
 Ты самой крошечки вѣщаешь мнѣ ушами.
 И шакъ, коль небеса тебѣ хотѣли дать
 Сей даръ, сей даръ благій, чтобы на все склоняшь,
 Тобой однимъ могу достигнуть я ко счастью :
 Альзира предо мной дерзка моею спрасью ;
 Въ невольнопреданной я счастья не сыщу :
 Люблю ее, люблю, и больше, чѣмъ хочу ;
 Но какъ бы ни желалъ любимъ бытьъ спрасно ею,
 Сей гордой не могу унизиться душою,
 И ползая предъ ней рабомъ ея очей,
 Лѣпнишь гордосни ея преданносью моею ;
 Никакъ я не хочу ей сколько бытьъ покоренъ ;
 Лишь ты, все можешь ты : Монтезъ тебѣ безпоренъ.
 Скажи въ послѣдній разъ Альзирину отцу,
 Чтوبъ дочери повелѣлъ и влекъ ее къ вѣнцу ;
 Благоволи но ахъ ! слыжусь, что я причина
 Сей низосни отцу, чтобъ онъ просилъ за сына.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Все было, я вѣщалъ, мой сынъ, и безъ стыда,
 Монтезъ Альзиру зрѣлъ и склонилъ безъ шуда.
 Священну роду ихъ здѣсь надшу во плѣненье
 Творецъ моимъ шрудомъ далъ въ бѣдсвахъ ушѣенье.
 Для Бога испинна Монтезъ боговъ попралъ,
 И дочери своея онъ мракъ очей разналъ ;
 Альзира есть примѣръъ всей новыи вселенны ;
 Безвѣстныхъ, взоры къ ней народовъ обращены :
 Къ Гишпанцамъ бракъ ея всехъ души привлечетъ,
 И закъ восприметъ нравъ покорства сей свѣтъ.
 Должна нуснишься въ немъ глубоко корни вѣры ;
 Твой бракъ есть узелъ шопъ, что двѣ срижетъ полсферы.

Клянуцій нашъ законъ свирѣпый сей народъ,
 Въ супругѣ зря швоей владѣшелей къ родъ,
 Всѣмъ сердцемъ поленитъ, опвергнувъ духъ кичливый,
 Склонитъ своечело въ швой сладкій плѣнъ, счастливый
 Миѣ сей поль сладостный вѣнецъ успѣхомъ льстивый,
 Чпо всѣхъ онъ въ Христіянъ сердца преобратитъ.
 Но се Монтезъ. Мой сынъ, ты долженъ удалиться;
 Иди во храмъ, гдѣ онъ со дщерію явится.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АЛЬВАРЪ, МОНТЕЗЪ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

То правда ли, чпо власнь и швой благій совѣшъ
 Твою прекрасну дщерь къ согласію ведешъ?

М О Н Т Е З Ъ.

Опецъ несчастливыхъ! прости, когда Альзира,
 Рукой Гусмана ставъ безъ области и сира,
 И робости въ себѣ еще являя знакъ,
 Трепещущей ногой вступаешъ съ нимъ во бракъ.
 Сей узлъ, чпо сѣдинитъ Европу съ сей землею,
 Смущаетъ дочь мою, спряной возвращенну сею;
 Но предразсудки всѣ швой побѣждаетъ гласъ;
 Законъ швой почтпашъ швой нравъ наславилъ насъ:
 Познаніе небесъ шбой намъ возсіяло;
 Нашъ въ просвѣщенн умѣ шбой прилѣ начало.
 Желѣзомъ Каспилянъ сей новый міръ сопренъ;
 Мы добродѣшелью, онъ властію смиренъ;
 И согражданъ швоихъ безмѣрно люшость спрога
 Явилабъ, какъ они, презришельнымъ ихъ Бога.

Мы даннымъ въ злобѣ ихъ гнушались Богомъ симъ ;
 Онъ зримъ въ душѣ своей, въ тебѣ одномъ любимъ.
 Вотъ чѣмъ ты можешь мной и дочерью владѣши.
 Внявъ добродѣтелямъ своимъ, свои мы дѣши :
 Будь нашимъ областямъ и ей опцемъ теперь.
 Даю въ обѣщаніа, даю Гусману дочь ;
 Она, Перу, Попозъ рукой его плѣненны :
 Иди къ поржешву предъ олшари священны ;
 Иди, я мню небесъ превѣчный зрѣшь народъ
 Ко смертнымъ низходящъ, оставя горній сводъ.
 Ручаюсь я за дочь, она признаетъ нынѣ
 Супруга и Царя въ своемъ надменномъ сынѣ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Ахъ, естли опъ моихъ сплешенъ сей узелъ рукъ,
 Я счастливъ низхожу во гробъ, любезный другъ!
 О Ты, открывшій намъ края сіи проспранны !
 Содѣлай свѣта днесъ предѣлы осіянны ;
 О Боже Христіанъ ! присущешвуи въ клятвахъ сихъ,
 Здѣсь данныхъ въ первый разъ при олшаряхъ свящихъ !
 Сойди, влечи къ себѣ Америку смущенну !
 Прости, спѣшу теперь ко браку вожделѣнну ;
 Прости, я помню то : мой счастливъ сынъ шобой.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

МОНТЕЗЪ (одна). (одна).

Разитель Богъ боговъ, копорыхъ чтилъ душой !
 Возри на горешну, возри мою кончину ;
 Всего былъ я лишенъ, имѣю дочь едину :
 Рачи о ней, наславъ ее на правый пущь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОНТЕЗЪ, АЛЬЗИРА.

МОНТЕЗЪ.

О дщерь! се часъ насталъ, согласна къ счастью будь:
 Коль сердцемъ, словомъ миѣ поборствуешь Альзира,
 Ты счастиемъ своимъ содѣлай счастье міра;
 Будь плѣнникамъ покровъ, врагамъ повелѣвай,
 И вредну молнію въ рукахъ ихъ угашай;
 Изъ нѣдра бѣдности всходи ко царску прону,
 И покоряй свой нравъ судьбы пвоей закону;
 Прими ты новый духъ, рѣшишь, меня любя,
 Гишпанкой возродись, опрекниши себя,
 Не лей досаднаго ошцу попока слезна.

АЛЬЗИРА.

Я вся пвоя; но ахъ! коль я тебѣ любезна,
 Зри сердце пы мое, зри мой смященный духъ.

МОНТЕЗЪ.

Нѣпъ, пвой посшыдный спонъ мой опвращаетъ слухъ;
 Ты слово миѣ дала, пошребно исполненье.

АЛЬЗИРА.

Ты изъ меня изпоргъ шоль спрашно приношенье;
 Но лязяль миѣ кляпву дашъ сего, о Боже! дня?
 Въ сей день шоль спрашный все погибло для меня,
 И гордаго для насъ Гусмана мечъ несчаспный
 Дернулъ чадъ солнцевыхъ низвергнушь прощъ ужасный.
 Коль спрашныя бѣды день предвѣщаетъ сей!

МОНТЕЗЪ.

Мы счастливыхъ виной и злополучныхъ дней.
 Кинь суевѣрїя, введенныя жрецами,
 Для черни преданны здѣсь нашими отцами.

АЛЪЗИРА.

И въ сей же день, узми! опмститель сей страны
 Заморь, надежда мнѣ, погибъ среди войны,
 Заморь, любовникъ мой, побой избранный въ зямя.

МОНТЕЗЪ.

Спеналь надъ нимъ, какъ ты, ягорьки слезы трати.
 Не ищущъ князевъ твоихъ низшедши ко гробамъ:
 Неси, носи съ собой духъ вольный къ олшарямъ;
 Дай честности извлечь спрѣлу изъ сердца злобу
 Безумныя любви ко праху хладну, гробну.
 Закону Христїянъ ты вся принадлежишь,
 Многъ Богъ тебѣ великъ да сей союзъ свершишь;
 Онъ въ храмъ тебя зовешъ, Онъ дѣлъ твоихъ правитель:
 Вземли Ему.

АЛЪЗИРА.

Къ чему привелъ меня редишель?

Я знаю, что отецъ, что власшь опцева есиъ:
 Коль рекъ, мой первый долгъ себя на жертву нести.
 И послушанїя и больше оказала,
 Чѣмъ сей священный долгъ природа предписала.
 Все зрѣла шкъ, шавимъ какъ зрѣлося очамъ.
 Тобой преобразясь, не вѣрую богамъ,
 Я не жалѣю ихъ величества сраженна,
 Предъ новымъ Богомъ симъ, какъ мы, униженна.
 Но ты мнѣ самъ внушалъ въ спомнѣнїи чоемъ,
 Что предъ Его живешъ спокойство олшаремъ,
 Что правъ Его законъ, и благъ, и безъ обману,

Что Ояъ смущенныхъ чувствъ моихъ излѣчилъ рану.
 Ты слабосиль обольцалъ! Сражающа стрѣла,
 Въ союзѣ съ Богомъ симъ, всегда мнѣ грудь рвала.
 Она несешь въ нее всегда зракъ обновленной;
 Заморѣ еще живешь въ душѣ, имъ зараженной.
 Ты правосъть чувствуй сихъ, коль должно, обвиняй,
 Сей огонь, кой времени и смерти еси сильный,
 Сію безсмертну спрасишь, позволену побою;
 Спрягай ны дочь свою съ шираномъ, плѣннымъ мною;
 Народа польза въ помъ, покорна, должно шакъ.
 Но пренеци, швора нескходственый сей бракъ,
 Ты, ты, кошорый месъ ошъ Бога мнѣ вѣщаешь,
 И днесъ меня въ Его присущствѣ осуждаешь
 Супругу обѣщаешь мнѣ данному любовь,
 Когда еще во мнѣ другимъ пылаешь кровь.

М О Н Т Е З Ъ.

Ахъ! что рекла ны, дочь! щадя мои ны годы
 Для имени любви, для имени природы,
 Для спрашныхъ бѣдъ, шебъ возможныхъ опврашишь,
 И для ошца, кого могла ны оскорбишь;
 Не дай при смерти мнѣ вкусиши гореснь люпу.
 Я къ счастью швоему шералъ ли хощъ минушу?
 Симъ насладись шрудомъ; но бойси оправляишь
 То благо шрудное, кошоро могъ я данъ.
 Теченье новое, нач шее побою,
 Своею и черпалъ навѣки долгъ рукою.
 Къ сему шебя влечешь спенищяя шправа;
 Измѣнишь ли ны ей? надежда ны одна,
 Учись себя смиришь.

А Л Ъ З И Р А.

Мнѣ должно пришеорятнѣсь?
 Искусство пагубно!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГУСМАНЪ, АЛЬЗИРА.

ГУСМАНЪ.

Я долженъ огорчаться,

Препоной зря еще въ исканіяхъ моихъ
 Досадну медленность косвеній шаковыхъ.
 Желала ны, чшобъ я врагамъ явилъ прощенье;
 Я казнь останоилъ, просилъ за дерзновење,
 Дана свобода имъ; но миѢ по будетъ спыдъ,
 Коль милость сихъ услугъ Альзиру умягчшѢ.
 Сего не опѢ моей я ждалъ верховной власти,
 Симъ долженъ бышъ хотѢлъ шебѢ и нѢжной спрасши;
 Въ желанныхъ радосняхъ ни мало я не мнилъ,
 Чшобъ счаспїемъ моимъ шебя я огорчилъ.

АЛЬЗИРА.

Да спроги небеса своимъ ударомъ гнѢвнымъ
 ОбѢимъ намъ сей день не учиняшѢ плачевнымъ!
 Ты зришь, какой меня шеперь обѢемлетъ спрахъ:
 Начерпанъ онъ въ лицѢ, вѢщаетъ онъ въ очахъ.
 Таковъ Альзиры нравъ, чшо сердце ощущаетъ,
 То мой являетъ взоръ, азыкъ мой по вѢщаетъ.
 Тамъ, гдѢ припворспвуютъ, шамъ клятва не вѢрна,
 Европы хшпросъ шо; не для меня она.

ГУСМАНЪ.

Зрю искренность швою: Заморъ, я въ томъ извѢстенъ,
 Живетъ въ умѢ швоемъ, шебѢ еще прелесненъ.
 Упорный сей Касикъ, кшпорый мной погранъ,
 Еще пропшвѢ меня идетъ изъ адскихъ спранъ.

Въ живыхъ его смирилъ , и мертва мнѣ бояться ?
 Преспанъ мнѣ досаждашь , преспанъ о немъ перзапшься :
 Супруги долгъ , мой санъ и сердце шо язвипшь ,
 А сердце ревностью къ слезамъ швоимъ горипшь .

А Л Ъ З И Р А .

Не буди пакъ ревнивъ , не будь пь поликой злобъ ;
 Ужель завидуешь сопернику во гробъ ?
 Любила , признаюсь , и долгъ мой былъ шаковъ ,
 Заморъ надеждой былъ шѣснимыхъ сихъ бреговъ ;
 Онъ былъ мнѣ обрученъ и для меня любезенъ ,
 Любилъ меня : по немъ еще лию шокъ слезенъ .
 А ны не шолько грусть мою не осуждай ;
 Суди о швердосши , и сердце распознай ,
 И поступишь со мной прешавъ высокомѣрно ,
 Коль можешь , заслужи шолько сердце вѣрно .

Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е .

Г У С М А Н Ъ (о д и н ъ) .

Высокомѣріе и искренность ея
 Дивипшь мой швердый духъ и нравы для меня ;
 Но не сперяю шого : иль мысль ея надменну
 Труднѣе укропипшь , чѣмъ укропипшь вселенну ?
 Природа грубая , пріащности ей дашъ ,
 По швоисшву сей шраны дала ей дикій нравъ .
 Смирипши должностью душа въ ней нелокорна ;
 Мнѣ все подвластiano здѣсь , она одна упорна .
 Да шоржешшвуешъ бракъ ; и шедваримъ шешъ гласъ ,
 Чшобъ побѣдипшель могъ внимашъ себѣ опказъ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЗАМОРЪ, АМЕРИКАНЦЫ.

ЗАМОРЪ.

Вы, въ коихъ рѣдкая отважность обитаетъ,
Тверда въ опасностяхъ, въ несчастіи возрастаетъ,
Друзья и слугники въ несчастіи моемъ!
Опмешимъ ли мы, или безъ мщениа умремъ?
Опечесна ли мы, Альзірскыя не избавимъ,
Гусманаль мерзку жизнь окончивъ не заставимъ,
Не найдемъ, не казнимъ губителя сего,
И не опмешимъ за провъ, погибшій ошъ него?
О боги слабые обширной свѣта части!
Вы предали ея боговъ враждебныхъ власти!
Шесль сошъ Гинпанцевъ здѣсь оружіемъ рукъ своихъ
Низвергли край мой, провъ, вашъ храмъ и всѣ самихъ:
Безъ обласни Заморъ, безъ жертвъ и вы, кумиры;
Всего лишились мы, лишился и Альзіры.
Я несъ мой гнѣвъ, мой смѣдъ, перзаніе шоски
Въ дремучіе лѣса, въ крупящиса пески;
Ошъ зноина пояса и изъ среды вселенной
Свѣшило дневисе мой зрѣло путь смященной
До мѣстѣ, гдѣ симъ преснавъ блиснать оно спранамъ
Выводитъ годъ, и въ слѣдѣ идетъ своимъ спонамъ.
Но ваше дружеснво, и храбрость, и спранье
Къ обширнымъ мыслямъ маѣ явили упоранье;

Въ жилищѣ страшномъ семь я мнилъ къ концу привести
 Двѣ добродѣтели мои, любовь и мечь.
 Мы смертныхъ собрали сердца неуспрашимъ ихъ,
 Владыкамъ алчущимъ враговъ неукротимыхъ.
 Они во мрачныхъ сихъ дубравахъ залегли,
 Чтѣбъ спѣны размошрѣши ширасли могли.
 Пришелъ и; насъ полна свирѣлая схватила,
 Повергла въ пропасти и въ узы заключила.
 Изъ адской бездны сей свободу дали намъ,
 Презрѣвъ сироты, какимъ ми преданы судьбамъ.
 Друзья! гдѣ мы? и кто сего владытель мѣра?
 Скажите мнѣ, въ какой судьбѣ живетъ Альзира?
 Невольникъ ли Монтезъ, еще ли онъ въ живыхъ?
 Или бѣду жизнь влачитъ въ мѣстахъ ужасныхъ сихъ?
 Печальные друзья въ Заморовой пропасти!
 Не можешь ли открыть невѣдомой мнѣ части?

А М Е Р И К А Н Е Ц Ъ .

Въ различныхъ, какъ и ты, мѣстахъ несли мы плѣны,
 Пушами разными до сихъ ведены спѣны;
 Безвѣсны, чужды бывъ народу шоль жестоку,
 Не знали, коему ты былъ подверженъ року.
 Несчастливый Касикъ, сихъ недостойный бѣдъ!
 Когда уже пиратъ на смерть тебя влечетъ,
 Твои друзья падутъ подъ тою же косою,
 И изъ любви къ тебѣ на все пойдутъ съ тобою.

З А М О Р Ъ .

По славѣ побѣдишь подъ небомъ перва честь
 Дѣйствительно еси ты, чтѣбъ хвалюу смерть понеслъ;
 Но умереть въ спыдѣ, умереть въ позорной долѣ,
 И умирая зрѣшь опечество въ неволѣ,

Погибнуть не опмсая, своихъ лишишься дней
 Отъ рукъ убійцевъ сихъ, Европы отъ нашей,
 Отъ рукъ сихъ кровопійцъ, корысплюбцевъ жадныхъ,
 Опустишелей вселенной сей нещадныхъ,
 Дерзнувшихъ муки миѢ поносны налагашь,
 Чтѡбъ златѡ, ихъ самихъ гнусиѢйшее спяжашь,
 Вовлечь во грѡбъ гражданъ любезнѢйшихъ съ собою,
 Предашь имъ, что моей владѢешь всей душою,
 Предашь Альзиру миѢ неистовству ихъ рукъ:
 Ужасно шакъ умрешь, и всѢхъ жесточѢ мукъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АЛВАРЪ, ЗАМОРЪ, АМЕРИКАНЦЫ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Свободны будьте вы : живите.

З А М О Р Ъ.

Чтѡ внимаю!

Я добродѢтели шакѡй не понимаю!

МиѢ смершнымъ ли себя, иль богомъ почишашь?

Гишпанца зрю въ тебѢ, и можешь шы прощашь!

Или шы Царь? или во градѢ семъ власшитель?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Не Царь, невинныхъ я и бѢдныхъ покровишель.

З А М О Р Ъ.

Какая же швоя судьба, хѡчу и знашь,

Великодушный ли ужь?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Несчастливымъ помогашь.

З А М О Р Ъ.

Ахъ! кто въ тебѢ шворецъ сей милосши священщѡй?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Богъ, вѣра и души признанье одолженной.

З А М О Р Ъ.

Твой Богъ и вѣра! какъ! спираны пираны сей,
Чудовищи, вѣ крови упитанны людей,
Грабители земли, и коихъ люта сила
Опечесство мое вѣ пустыню прешворила,
Которыхъ весь законъ къ серебру пылашь алчбой,
Ужели Бога чшущъ не одного съ побой?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Богъ пошъ же; но они ихъ Бога раздражаютъ:
Вѣ законъ бывъ святыхъ, вѣ порокахъ упоаютъ.
Они просперли къ злу власъ новую свою:
Преспупки знаешь ихъ; но должносъ знай мою.
Два раза солнце ужъ опъ пропика къ другому
Прешло сей мѣръ и нашъ, свѣпя лицу земному,
Съ шѣхъ поръ, какъ власъ имѣвъ надъ участью моею
Одинъ изъ васъ моихъ спасилелемъ былъ дней;
Съ шѣхъ поръ о счасъи я вашемъ помышляю,
И вашихъ согражданъ я брашьями считаю:
Счасливъ бы умеръ я, когдабъ нашелся мной
Мнѣ сохранившій жизнь невѣдомый герой!

З А М О Р Ъ.

Его черты, лѣта, высока добродѣтель,
Такъ, онъ, се самъ Альваръ, нашъ кропкій благодѣтель!
Ты можешь ли теперь познать того изъ насъ,
Кто волею судьбы себя опъ смерти спасъ?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Что рекъ онъ? Подойди. О щедро Провидѣнье!
Се пошъ герой; ему воздамъ благодаренье!

Ослабшій лѣтами мой взоръ, печальный взоръ,
 Какъ долго пакъ тобой необрѣшенъ заморъ!
 Мой сынъ! избавица! (обнимала его) вѣдай, что дѣ-
 ла твоя должно?
 Живи, здѣсь буду я опцемъ тебѣ неложно.
 Тобой спасены дни хощу смертью почтись,
 Чтобъ время и имѣлъ тебѣ вознаградить.

ЗАМОРЪ.

Ахъ! естлибъ твой народъ отъ злобы удаленъ,
 И благоспѣй твоихъ хощу искрой озаренъ;
 Повѣрь, что нынѣ имъ поправный сей предѣлъ
 Подъ иго бы его съ охотою летѣлъ:
 Но сколько духъ твой щедръ, и сколько честности
 Ты знаешь,
 Такъ варварство его природу ужасаетъ;
 Мнѣ легче умереть, чѣмъ вмѣстѣ жить съ нимъ;
 Того я только жду, чѣмъ мучусь однимъ,
 Чтбъ могъ хощу ты узнашь, уже въ кровавы руки
 Монпеза бѣднаго вкочнла горьки муки,
 Отца Альсирна. . . . Увы! я слезы лью.
 Дражайше имя тво изнергло скорбь мою.

АЛЪВАРЪ.

Не скривай ты слезъ; со вздохомъ плачь смѣшенный
 Даръ человечеству нѣжнѣйшій и безцѣнный.
 Ахъ, горе варварскимъ и хладнымъ тѣмъ сердцамъ,
 Которыя къ чужимъ нежалостны бѣдамъ!
 Монпезъ, твой нѣжный другъ во славу здѣсь сіяетъ,
 И лѣтъ древнѣя счастливо провождаетъ.

ЗАМОРЪ.

Узрюль его?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Узришь. Ахъ, еспьлибъ могъ склонить
Тебя онъ мыслишь такъ, какъ самъ, и также жить

ЗАМОРЪ.

Какъ! чпобъ Моншезъ. . . .

А Л Ъ В А Р Ъ.

Хочу, чпобъ онъ повѣдалъ нынѣ
Тебѣ изустно самъ о всей его судьбинѣ,
Рокъ насъ связующій и узлъ счастливый потъ,
Что сограждани своихъ и нашъ сопряжешъ народъ.
Я сыну-возвѣщу въ весельи несказанномъ
О чудномъ счастьи семъ, онъ неба намъ посланномъ.
А чпобъ тебѣ я могъ усердіе явить,
Иду связующи насъ узы укрѣпить.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

ЗАМОРЪ, АМЕРИКАНЦЫ.

ЗАМОРЪ.

Миѣ благость наконецъ явилася небесна:
Въ жилищѣ варваровъ нашель я мужа честна.
Альваръ, Альваръ еспь богъ, между развратныхъ сихъ,
Низшедшій укротишь во свѣшѣ нравы злыхъ.
Имѣетъ сына онъ: я въ немъ увижу брата;
Ахъ, еспьлибъ спомалъ онъ опца только свята!
О день! коль сладко о пы миѣ надеждой льстишь!
Ты миѣ по трехъ годахъ Моншеза возвращишь!
А пы, копорой я пламенѣ дражайшимъ взоромъ,
Ты, для копорой все соверчено Заморомъ,

Жизнь жизни моя! ахъ! въ сей ли ты спранѣ?
 Хранишь ли перву чesнь сердечну вѣрносшь миѣ?
 Хранишь ли ты ee? — Сомнѣнье бѣднымъ сродко...
 Какому спарцу здѣсь предшашъ еще угодно?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОНТЕЗЪ, ЗАМОРЪ, АМЕРИКАНЦЫ.

ЗАМОРЪ.

Тебяль обѣмлю я, тебяль, Монтезѣ драгой?
 Се смерпи избѣжалъ Заморѣ любезный швой;
 Онѣ ожилъ защищашъ теби, бывѣ смерпи узникѣ:
 Се швой нѣжнѣйшій другѣ, швой зяпъ и швой союзникѣ!
 Гдѣ дщерь швой? скажи, въ какой судьбѣ она?
 Свершай: въ опвѣштѣ миѣ иль жизнь, иль смершь дана?

МОНТЕЗЪ.

Касикѣ несчастливый! въ швоей увѣрись смерпи,
 Донынѣ не могли мы горькихъ слезѣ оперши.
 Вкругѣ гроба, кой тебѣ былѣ нами соруженѣ,
 Просили мы судьбу, чшобѣ ты былѣ возвращенѣ.
 Ты живѣ: да небо даспѣ тебѣ вѣкѣ лучшей часпи!
 Да кончатся швой въ жилищѣ семѣ напаспи!
 Заморѣ! ахѣ, чшо вело тебя до сихѣ бреговѣ?

ЗАМОРЪ.

Меспъ за себя, тебя, Альзиру и боговѣ.

МОНТЕЗЪ.

Чшо рекѣ?

ЗАМОРЪ.

Вспомяни ты день шопѣ несшерпимый,
 Когда Гишпанецѣ злой, надменный, невредимый

Разсыпалъ, разорилъ до основанья градъ,
 Который сотворенъ опъ солнечныхъ былъ чадъ.
 Онъ именовъ Гусманъ. Судьбы жестокой дѣйство
 Миѣ дало знать его лишь имя и злодѣйство.
 Толь имя гнусное, Монтезъ, душѣ моей
 Ужасный было знакъ убійствъ и грабежей.
 Симъ именемъ опнявъ изъ рукъ моихъ любезну,
 Безъ жалоспи влекли швой родъ въ неволю слезну,
 Повергли олшари со храмомъ шѣмъ свяшымъ,
 Гдѣ сыномъ опъ боговъ нарекса бы швоимъ;
 Меня къ нему влекли: какія казни, муки
 Вложили на меня его злоалчны руки,
 Чпобъ злопо я опкрылъ богшворимо имъ,
 Гишпанцевъ идола, мы ксе прахомъ чшимъ!
 Я брошенъ былъ полмершвъ, неся шерзаній бремя:
 Не можешъ никогда обидъ ослабить время.
 И я по шрехъ годахъ собралъ моихъ друзей,
 Взаимно дышущихъ, какъ мы, враждой своей.
 Геройска ихъ толпа, сокрышая лѣсами,
 Опмспилъ, или падешъ подъ здѣшними спѣнами.

М О Н Т Е З Ъ.

Ты жалокъ миѣ; но что пы хочешь предпріять?
 Нейди на смерть, себя хотѣвшую бѣжашъ.
 Что могутъ и друзья, и ихъ доспѣхи бренны,
 И водныхъ жипелей сн оспанки шлѣнны,
 И слабы ма, моры, подобія мечей,
 И наго воинство въ нестройности своей
 Противъ пирановъ сихъ, гиганшовъ сихъ надменныхъ,
 Желѣзомъ блестящихъ и громомъ воруженныхъ,
 На бранныхъ яко вѣспрѣ лешащихъ противъ насъ
 Чудовицахъ своихъ, внимающихъ ихъ гласъ?

Коль свѣшъ имъ уступилъ, намъ должно покориться.

ЗАМОРЪ.

Миѣ здашся, коль и живъ? миѣ къ рабству преклонилъся?
 Монтезъ, повѣрь, что ихъ и молнии, и громъ,
 Желѣзо сихъ враговъ, и лапы и шелома,
 Подъ нами быспрый звѣрь, шворищій брань разженну,
 При шшешнн своемъ могли спршшнн все ленну.
 Эю шверлымъ окомъ ихъ, ругашся смѣю имъ:
 Для побѣжденья ихъ лишь будь неуспрашимъ.
 Едина новость изъ сей свѣшъ порабощенъ,
 Владѣнъ робкими, а смѣлымъ уступашъ,
 Блещущій злата идъ, врученнй симъ странамъ,
 Не защища насъ, влещъ Европу къ намъ.
 Не щедро небо къ намъ желѣза насъ лишило,
 И онымъ варваровъ свирѣшнншхъ снабдило;
 Но небо наконецъ, за нашъ опшща свѣшъ,
 Намъ добродѣтели за ихъ желѣзо шлещъ.
 Сражусь за дочь швою, и побѣжду швободно.

МОНТЕЗЪ.

Прошвенъ рокъ шобъ, спараніе безплодно;
 Премѣнны дни.

ЗАМОРЪ.

Увы! какой даешь опшщъ!

Премѣнныль дни, когда въ шобъ премѣнны и шщъ,
 Коль славу и обѣшъ Альзира чшшнн душемъ,
 И коль Заморъ еще воспоминаемъ ею?
 Ты опшщаешъ взоръ, зрю плачь и спонъ единъ?

МОНТЕЗЪ.

Заморъ несчастливый!

ЗАМОРЪ.

Ужель не швой я сынъ?

Великій духъ въ тебѣ заимавъ тиранска злоба,
Дала пороки знашь тебѣ при краѣ гроба.

МОНТЕЗЪ.

Невиненъ я; и при побѣдоносцевъ сихъ
Тиранами не чини, какъ чинилъ донынѣ ихъ.
Судбина привела чинныхъ въ сіе владѣнье
Не сколько къ плѣненью насъ, сколько въ наше наставленье,
Привесниихъ новыя достоиспва въ нашъ кругъ,
Безсмертныя исписва, и новосны ихъ и укъ,
Науку знашь себя, примѣръ имъ подражани,
Бышь въ счастья наконецъ, и жить и разсуждати.

ЗАМОРЪ.

Что рекъ? Какой ты идъ дернулъ изъ устъ изливъ?
Альзира плѣнница; а можешь ихъ хвалишь!

МОНТЕЗЪ.

Не плѣнница.

ЗАМОРЪ.

Монтезъ, прости души ты гибеной,
Прости ты, опче мой, судьбѣ моей плачезной.
Предспавъ, что вѣчный узлъ со мной ее сопрятъ;
Такъ въ томъ обѣщъ ты далъ при божьихъ олшаряхъ:
Она не извизитъ богамъ клянцорущеній.

МОНТЕЗЪ.

Не призывай боговъ, лжесвятиства порожденій,
Мечпаній гнусныхъ сихъ; а оныхъ пренебрегъ:
Предъ сущимъ Богомъ мы низверган ихъ на вѣкъ.

ЗАМОРЪ.

Что рекъ? какъ! швой законъ? опцевъ преданье вѣры!

МОНТЕЗЪ.

Позналъ ея пщешу, опвергъ ея химеры.
 Да Богъ боговъ, еще невѣдомъ симъ спранамъ,
 Явишь себя своимъ пріившимъ свѣшъ очамъ;
 Да лучше ты поймешь, несчастливый владѣшель,
 Съ Европы Божеспвомъ Европы добродѣшель!

ЗАМОРЪ.

Въ немъ добродѣшель ихъ? Врагами сихъ береговъ
 Во всемъ ты спалъ рабомъ, опринувъ опъ боговъ.
 Такъ имъ ты измѣнилъ, чшобъ мнѣ явишь измѣну?
 Ужель въ Альзирѣ я найду сію премѣну?
 Брегись

МОНТЕЗЪ.

Нѣтъ; я себя не укорю ничѣмъ:
 Мой вѣкъ благословенъ; я плачу о своемъ.

ЗАМОРЪ.

Когда ты измѣнилъ, такъ плачь, ты плакашь долженъ.
 Зри, сколько я своимъ преступкомъ востревоженъ;
 Жалѣй меня ты, зря, какъ всю волнуешь кровь
 Усердіе къ богамъ, и мщенье, и любовь.
 Гдѣ, гдѣ Гусманъ? лечу къ нему Альзирѣ въ жершву.
 Пойдемъ, дай зрѣшь ее, дай насъ предъ ней мнѣ мершву;
 Блаженства зрѣшь ее меня ты не лиши:
 Спрашисъ опчаянной Заморовой души;
 Будь паки человекъ; да честь въ тебѣ забвенну

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МОНТЕЗЪ, ЗАМОРЪ, ВОИНЫ.

ВОИНЪ (къ Монтезу).

Иди, о Государь! ко шоржешву священну.

МОНТЕЗЪ.

Иду.

ЗАМОРЪ.

Жестокій! я иду тебѣ во слѣдѣ.
 Какое торжество! Куда Монтезъ идешь?
 Монтезъ!

МОНТЕЗЪ.

Проси. Оставь плачевные чертоги.

ЗАМОРЪ.

Пусть все меня разишь разгнѣванные боги;
 Иду съ побой.

МОНТЕЗЪ.

Проси опеческимъ прудамъ:

(къ Волнамъ)

Не дайте, спражи, имъ ищи за мной во храмѣ:
 Язычниками здѣсь закона чужеспранна
 Святыни Християнъ возможешь быть поправа.
 Исполните: не я повелѣваю вамъ;
 Гусманъ изъ устъ моихъ повелѣваетъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЗАМОРЪ, АМЕРИКАНЦЫ.

ЗАМОРЪ.

Что слышалъ я? Гусманъ! о коль измѣна злостна!
 О подлость! верхъ безсудствъ! обида смертоносна!
 Гусману служивъ онъ! Сіе ли слышалъ я?
 Иль добродѣтелей лишилась вся земля?
 Ужель Альзира такъ, Альзира такъ неправъ?
 Ужели и ее коснулась ша оправа,

Копору хищники спранѣ излили сей,
 Развращенныи сердецѣ, злодѣи нашихъ дней?
 Такѣ здѣсь Гусманѣ? Чшо мы начнемѣ, друзья любезны!

А М Е Р И К А Н Е Ц Ъ .

Осмѣлюсь я шебѣ подати совѣщѣ полезный!
 Почтенный спарецѣ сей, шебя который спасѣ,
 Явился предѣ побой и сѣ сыномѣ вѣ оный часѣ.
 Изпрашивающѣ намѣ они свободу явну:
 Ахѣ! выйдемѣ мы, пойдѣмѣ вѣ намѣренію славу;
 Пойдемѣ, и на враговѣ мы все распорядимѣ,
 А покмо сѣ сыномѣ лишь Альвара пощадимѣ.
 Я видѣлъ ихѣ валы, спросеніе чудесно,
 Свѣщееспешвенно искусиво, намѣ безвѣсно,
 Ихѣ рвы, бойницы ихѣ, и пышность ихѣ оградѣ,
 Ихѣ громы мѣдныи, ревушіе сѣ раскатѣ,
 Ихѣ сѣни бранныи, и вѣ нихѣ присушество смерти;
 Но смѣлосни во мнѣ сей спрахѣ не можѣтъ смерти.
 Увы! вѣ цѣпяхѣ спеницѣ народѣ нашѣ вѣ сѣхѣ мѣспахѣ
 Крѣпимѣ убѣжище вѣ пропавшихъ намѣ спѣвахѣ:
 Униженной опѣ уѣзъ рукой возносящѣ нынѣ
 Столицу, обипать пиранству и гордынѣ.
 Но вѣрь, чшо какѣ уарящѣ опмспителей своихѣ,
 Та на гонителей вознимущѣ руки ихѣ,
 И сами испреблящѣ сѣи ужасны зданья,
 Орудья рабства ихѣ, и купно поруганья.
 Друзья опверзущѣ нушь шебѣ кѣ кровавымѣ рвамѣ
 По издыхающимѣ уже своимѣ шѣламѣ.
 Пойдемѣ, и обратимѣ на ихѣ главы поносны
 Желѣзо, Сури ихѣ и спрѣлы огненосны,
 Гораций огонь селищрѣ, чшо прежде у враговѣ

Мы члн за огонь священный, лепишь изъ рукъ боговъ,
 Низложимъ, испребимъ владычество ужасно,
 Гдѣ имъ подножіе невѣжество несчастно.

ЗАМОРЬ.

Друзья! сколь мило въ васъ поборниковъ мнѣ зрѣшь,
 Возмогшихъ бѣшенствомъ мнѣ равнымъ воскипѣшь!
 Да изліемъ мы казнь на варвара Гусмана!
 За кровь опечесива пуснь льется кровь пирана!
 О мрачно божество! внемли мой гнѣвный спонъ;
 Мещь! ополчи нашъ духъ, чшобъ умеръ шолько онъ,
 Чшобъ умеръ онъ.... Но акъ! мы храбры; бѣдны болѣ:
 Спремимся наказашъ; а сами мы въ неволѣ.
 Жестока намъ судьба сугубишъ шоки слезъ,
 Альваръ исчезъ опсель, и измѣнилъ Моншезъ,
 И можешъ шо врагу, чшо я люблю, доспалось....
 Одно сомнѣніе въ опраду мнѣ осталось.
 Но чшо за вопль, друзья, въ жилищѣ слышу семъ?
 Сѣпшъ дневный множишся возженныхъ свѣчь огнемъ:
 Народа варварска внимаю мѣдъ гремящу;
 Какое торжество, какое зло гласящу?
 Узримъ: опверстѣли пущь за градъ со мною вамъ,
 Могу ли васъ спасти, или погибнуть намъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АЛЬЗИРА (одна).

Драгова тѣнь! шакъ, я невѣрна предъ тобою!
Свершилось; и Гусманъ владѣетъ вѣчно мною!
Межъ нашихъ полусферъ и океанъ взнесясь,
Преграды слабыя пославилъ между насъ:
Гусману я жена: мы кляпвой обязались,
И кляпвы онѣя на небеси вписались.
О ны, любезна тѣнь, мяпущая мой умъ,
Окровавленна тѣнь, эракъ вѣчный горькихъ думъ,
Драгой! коль плачь, и спонъ, и совѣсти перзанье
Во швой проникнулъ гробъ, и мершвыхъ пребыванье,
Коль Божія по власъ, чшобъ съ прахомъ не пошухъ
И нѣжный сердца жаръ, и швой геройскій духъ,
И вѣрна миѣ душа по смершную минушу;
Просши, что я могла сконилъся къ браку люшу.
Должна была опцу себя я въ жершву дать,
Блаженшву подданныхъ, копорымъ здѣсь я машь,
Слезамъ поверженныхъ, спеницимъ въ бѣдной долѣ,
Вселенной сей, увы! гдѣ нѣшъ тебя ужъ болѣ.
Заморъ! расперзанной оставъ душѣ покой
Хранишь ужасный долгъ, предписанный судьбой;
Взложено нуждою сноси ны бремя спрого,
Позволь злымъ узамъ бышь: они миѣ спояшъ много.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

АЛЬЗИРА, ЭМИРА.

А Л Ъ З И Р А.

Иль будущъ опъ моихъ всегда скрывать очей
 Гражданъ изъ дѣшсхва мяѣ спраны любезной сей
 Узрюль несчастныхъ сихъ, носящихъ въ ней желѣзы?
 Вкушуль шу сладость я, чптобъ лиши съ ними слезы?

Э М И Р А.

Ахъ! паче бѣшенсхва Гусманова брегись.
 Спрашисъ за свой народъ, за плѣнныхъ сихъ спрашисъ.
 Грозящъ намъ, и гласящъ опечестиву напасли,
 Чпо день сей будешъ днемъ ему горчайшей часни.
 Воински знамена на вѣспрѣ распущены,
 Сокрышы подъ землей огни ужъ возжены,
 Свирѣные враги собрали сонмъ кровавой,
 Моншезъ въ сей званъ совѣпъ, исполненный оправой.
 Вотъ все, чпо знаю я.

А Л Ъ З И Р А.

Се, небо, швой обманъ!

Какимъ смущеніемъ мой духъ восколебанъ!
 Теперь лишь мы клялись въ любви предъ олшарями,
 И вдругъ Гусманъ вознесъ ужасный мечъ надъ нами!
 Какъ! кляшва мяѣ моя лишь вѣчныхъ бѣдъ вина!
 О кляшва, коею на вѣкъ покорена!
 О бракъ! жестокій бракъ! подъ коей злой звѣздой
 Моншезъ себя свершилъ съ опаснѣйшей судьбой?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АЛЬЗИРА, ЭМИРА, ЦЕФАНА.

Ц Е Ф А Н А.

Одинъ изъ плѣнниковъ, которыхъ здѣсь отъ узъ
Освободилъ въ сей день преславный швой союзъ,
Къ швоимъ спонамъ уласть желаетъ сокровенно.

А Л Ъ З И Р А.

Ахъ! можешь онъ ко мнѣ предшапи несомнѣнно.
Къ нему, къ его друзьямъ я жалостью киплю;
Мнѣ зрѣшь ихъ мило, въ нихъ опечество люблю.
Но что? за чемъ одинъ желаетъ мнѣ явиться?

Ц Е Ф А Н А.

Онъ въ шайнѣ нѣкоей намбрень изъяснитъся.
Сей воинъ самый шощъ, о комъ пронесся гласъ,
Что дни Альваровы своей рукой онъ спасъ.

Э М И Р А.

Онъ зрѣшь себя желалъ; Мойшезъ ему въ преграду
Отъ швоего скрывалъ его здѣсь шайно взгляду.
Печалью мрачною весь духъ его спѣсненъ,
Въ важнѣйшій замыселъ, казался, углубленъ.

Ц Е Ф А Н А.

Написаны на немъ смущенія жестоки,
Онъ называлъ себя и лилъ изъ глазъ попоки;
Доказываетъ то его безмѣрный спонъ,
Которымъ внутренно въ шоскѣ сиѣдался онъ,
Что онъ премѣны шой совсѣмъ еще не знаетъ,
Какой себя и блескъ и санъ днесъ украшаетъ.

А Л Ъ З И Р А.

Какой, Цесана, блескъ и саяъ сей гнусный мой!
 Но можешъ миѢ въ родствѢ несчастный сей герой;
 ОнѢ видѢлъ, можешъ бышь, сѣнье нашей власи,
 И былѢ свидѢтелемѢ Замора люшой часни.
 КакѢ знашь, что не при немѢ ЗаморѢ оставилѢ свѣщѢ?
 ОнѢ хочешъ по сказать: о щцанье полно бѣдѢ!
 МиѢ гласѢ его еще пернимыхѢ мукѢ прибавишь,
 ОнѢ сердце миѢ прокзипѢ и рану вновь расправишь.
 Но пустьъ предспанешъ здѣсь. ДвиженьемѢ смущныхѢ думѢ
 Неволею обѣяшь разсыпанный мой умѢ.
 Въ черпогахѢ, кои я слезами орошала,
 Увы! минушы я спокойна не бывала.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

А Л Ъ З И Р А , З А М О Р Ъ , Э М И Р А .

З А М О Р Ъ .

Уже ли по она? еяль зрю красдпы?

А Л Ъ З И Р А .

О небо! поступи, гласѢ, и всѢ его черпы

(Она падаетъ въ руки своей наперстницы.)

ЗаморѢ! . . . лишаюсь чувствѢ, померкли очи сиры.

З А М О Р Ъ .

Узнай любовника.

А Л Ъ З И Р А .

ЗаморѢ у ногѢ АльзирѢ!

Не привидѢньель?

З А М О Р Ъ .

НѣшѢ, я ожилѢ для тебя:

У ногѢ швоихѢ швои взываю кляшвы я.

Душа души моей! которую чпу богомъ,
 Имѣя вѣрности любовь швою залогомъ!
 Чпо спалъ священнѣйшій союзъ, срягавшій насъ?

А Л Ъ З И Р А.

О день! о сѣ ужасомъ смѣщенный сладкій часъ!
 Драгой и горькой видъ ушѣхи и печали!
 Замеръ! когда теби судьбы ко мнѣ послали,
 Миѣ кажда рѣчь швол вонзастѣ въ грудь кинжалъ.

З А М О Р Ъ.

Ты спонешь, зри меня!

А Л Ъ З И Р А.

Ты поздно мнѣ предспалъ.

З А М О Р Ъ.

О смерти слухъ моей разнесся по вселенной.
 Далекю отъ тебя влекъ пущь я нерѣшенной
 Сѣ шѣхъ порѣ, когда тебя линась отъ сихъ шапей,
 Лишился прона я, боговъ, красы швоей.
 Не знаешь: сей Гусманъ, сей звѣрскій разорипель,
 Былъ швердоспи моей нещадный искушипель?
 Не знаешь: швой драгой, сужденный въ одрѣ шебѣ,
 Альзира, казнь прималъ на шоржищѣ себѣ?
 Дрожишь. Приходишь въ гнѣвѣ, которымъ пламенѣю,
 Обиды ужасъ сей подвигъ душой швоею.
 Конечно Богъ, въ любви присушествоующій Богъ,
 Отъ смерти видимой спасши мнѣ жизнь возмогъ.
 Предъ Богомъ симъ теби я зрю нелицемѣрной:
 Ты не содѣлалась Гишпанкой и невѣрной.
 Гусмана, говоряшъ, вмѣщаетъ сей предѣлъ:

Отъ изверга сего тебя отпять я шелъ.

Ты мнѣ вѣрна; опимспимъ, дай жершву въ наказанье.

А Л Ъ З И Р А.

Такъ; мспи пы за себя, казни пы злодѣянье;

Рази.

З А М О Р Ъ.

Что пы рекла? какъ! вѣрность! твоей обѣщъ...

А Л Ъ З И Р А.

Рази: не спою зрѣшь тебя и дневный свѣщъ.

З А М О Р Ъ.

Не вѣрилъ я тебѣ, Моншезъ, о мой мучитель!

А Л Ъ З И Р А.

Толь гнусно дѣло смѣлъ опкрышь тебѣ родитель!

Ты знаешь ли, кто мной Заморю предпочтенъ?

З А М О Р Ъ.

Нѣщъ, кто? скажи; ничѣмъ не буду удивленъ.

А Л Ъ З И Р А.

Такъ зри, въ какихъ судьбой мы пропасихъ глубокихъ;

Зри беззаконья верхъ и верхъ обидъ жестокихъ.

З А М О Р Ъ.

Альзира!

А Л Ъ З И Р А.

Сей Гусманъ

З А М О Р Ъ.

Дрожу.

А Л Ъ З И Р А.

Убийца твоей

Въ сей часъ, въ сей самый часъ пріалъ вѣнецъ со мной.

ЗАМОРЪ.

Онъ!

АЛЬЗИРА.

Мой отецъ, Альваръ, они меня прельстили,
 Они мой слабый духъ на бракъ сей преклонили.
 Во храмъ Христiянъ преспулицей швоей
 Почти въ очахъ швоихъ союзъ увѣчанъ сей;
 Опвергла все, боговъ, опечеснво, драгова:
 Для имени всѣхъ шрехъ прерви дни вѣка злова.
 Вопъ грудь моя! леду швоихъ къ ударамъ рукъ.

ЗАМОРЪ.

Альзира! правдаль то? Гусманъ тебѣ супругъ?

АЛЬЗИРА.

Чшобъ уменьшитъ порокъ, предспавилабъ виною
 Родипельскую власпъ законну надо мною,
 Мое невѣдене, борьбу, шоску мою,
 Трехлѣшнiй плачь, за смерть испоргнушый швою,
 Въ побѣдахъ Христiянъ мою неволю спрогу,
 Чшо въ груспи о тебѣ я предалась ихъ Богу,
 Чшо ты всегда былъ милъ, чшо я, покой губя,
 Кляла швоихъ боговъ, ошавившихъ шебя;
 Но сердце правымъ бытъ не ищешъ, не желаетъ:
 Нѣшъ оправданья мнѣ, любовь коль обвинаетъ.
 Ты живъ; довольно мнѣ: тебѣ я невѣрна;
 Изшоргни жизнь, когда не для шоби она;
 И на меня еще не зришь безчеловѣчно?

ЗАМОРЪ.

Нѣшъ, нѣшъ; коль я любимъ, невинна ты конечно.
 Но льспитъся ли еще мнѣ въ сердце жить швоемъ?

А Л Ъ З И Р А.

Альваромъ , слабостью , иль мстительцемъ творцемъ ,
 Гишпанцами , опцемъ во храмъ предровожденна ,
 Не чпя себя въ живыхъ , ко браку принужденна ,
 Гусману преданна союзомъ въ вѣчну власпъ ,
 У нашихъ олпарей къ шебѣ пишала спраспъ .
 Тираны , нашъ народъ цо зряшъ , кѣмъ духъ мой шаетъ ,
 Земля , и небеса , и самъ Гусманъ цо знаешъ ;
 И зря себя , Заморъ , я въ сей ужасный часъ ,
 Люблю себя , скажу еще въ послѣдній разъ .

З А М О Р Ъ .

Въ послѣдній разъ Заморъ увидѣлся съ побою !
 Едва себя узрѣвъ , разшанешься со мною !
 Ахъ ! еспылибъ гласъ любви швоимъ былъ сердцемъ
 чшимъ . . .

А Л Ъ З И Р А .

О небо ! се Гусманъ съ родителемъ своимъ .

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е .

АЛЬВАРЪ , ГУСМАНЪ , ЗАМОРЪ , АЛЬЗИРА .

А Л Ъ В А Р Ъ . (*Гусману*) .

Се благодѣтель мой , его шы видишь съ нею .
 (*Замору*)

О шы молодой герой ! шы , кѣмъ я жизнь имѣю !
 Умножь мнѣ радости сего священна дня :
 Съ любезнымъ сыномъ будь шы равенъ для меня .

З А М О Р Ъ .

Что слышу ? онъ , Гусманъ ! швой сынъ , сей варваръ лютой !

А Л Ъ З И Р А.

О небо! не срази грозящей сей минутой!

А Л Ъ В А Р Ъ.

Въ какомъ смяшеніи

З А М О Р Ъ.

Какъ шернить по Творецъ,
Чтобъ сыну гнусному шоль крошкѣй былъ онецъ?

Г У С М А Н Ъ.

Невольникъ, отъ чего въ тебѣ шакая дерзость?
Ты знаешь ли, кто я?

З А М О Р Ъ.

Ты сихъ предъловъ мерзость!
Межъ ушвеняемыхъ швоею власшью злой
Познай Замора шы, и зри пресшупокъ швой!

Г У С М А Н Ъ.

Ты!

А Л Ъ В А Р Ъ.

Онъ!

З А М О Р Ъ.

Такъ, я; я шотъ, кто люшостью швоею
Едва не пошерялъ честь съ жизнью швоею,
Я шотъ, кто несъ тобой безчестныхъ мукъ соборъ,
Я шотъ, чей видъ шеперь швой пошупляецъ взоръ;
Имѣній нашихъ шать, ширанъ надъ сей спраною,
И шо, чѣмъ я дышу, отъемаеця шобою.
Свершай: желѣзомъ симъ, которо нашъ ешь даръ,
Предупреждай шы месшь, предупреждай ударъ.
Сіажъ рука, что жизнь Альвару сохранила,
Въ злой швоей крови за свѣтъ бы ошомсшила;

Я въ смертныхъ бы, въ богахъ любовь себѣ снискалъ,
Что я пошилъ отца, а сына наказалъ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Мяпусть отъ словъ его, о Обладатель свѣта!

(Гусману.)

Иль виненъ будучи, не можешь дать отвѣта?

Г У С М А Н Ъ.

Отвѣтъ мянежнику! быль низку до того,
Чтобъ прапись съ нимъ, когда мой долгъ казнишь его?
Достойна казнь ему, самимъ имъ изреченна,
Когдабъ не ты, былабъ въ отвѣтъ ему вѣнненна.

(Иъ Альзирѣ.)

Тебя же сердце въ помѣ удобно научишь,
Сколь много впайнѣ ты могла мнѣ досадить;
Не для меня, но чтобъ себя не обезславить,
Должна о семъ рабѣ ты мысли не оставишь,
Ты, коей плачемъ я, супругъ твой, оскорбленъ,
Ты, коей въ ревности довольно я плѣненъ.

А Л Ъ З И Р А.

(Гусману.)

(Альвару.)

Жестокій! ... Ты покровъ въ бѣдахъ моихъ горчайшихъ!

(Замору.)

Ты, прежняя моя надежда дней сладчайшихъ!
Зря иго лютое Альзириной судьбы,
Отъ страха, жалоси воспренежише вы.

(показывая на Замора)

Вопъ мой любовникъ, мужъ, опцемъ опредѣленной;
Какъ новой я еще не вѣдала вселенной,
Какъ изъ Европы узъ не приносили намъ,
О немъ слухъ смерти былъ погибель сямъ брегамъ.

Паденье зрѣла спранѣ, гдѣ родѣ мой на престолѣ:
 Вось измѣнилася свѣщѣ, подверглася я неволѣ.
 Въ бѣдахѣ при спароспи несчастной мой отецѣ
 Ко Богу вашему прибѣгнулъ наконецѣ:
 Сегодня Христіяны при васѣ взываю Бога;
 Свидѣтель храмѣ Его шодико брака спрота;
 Предѣ Богомѣ симѣ мени обѣщѣ ужасный мой
 Убийцѣ подчинилѣ, кѣмѣ опниашѣ дарагой.
 Я мало, можешѣ бышѣ, законѣ шоль новый знаю;
 Но гласу честности не менѣе внимаю.
 Заморѣ, шы милѣ, люблю себя, должна шѣмѣ я;
 Но послѣ кляшѣ моихѣ бышѣ не могу швоя.
 А шы, Гусманѣ, кому я жершвой и женою,
 По злѣ своемѣ, ширашѣ! не мни владѣши мною.
 Кто мстишѣ дерзашѣ изѣ двухѣ, измѣницу губя?
 Кто сердце поразилѣ, отѣяно у себя?
 Навѣкѣ несчастлива, навѣкѣ и беззаконна,
 Гусману невѣрна, Заморю вѣроломна.
 Кипо можешѣ, давѣ мнѣ смерть, меня освободишѣ
 Отѣ нужды, обомѣ вамѣ купно измѣнишѣ?
 (Кѣ Гусману.)

Твои вѣ родныхѣ моихѣ окровавленны руки
 Не такѣ содрогнушѣ свершитѣ мнѣ смершны муки.
 За право шы любви и брака опомешѣшѣ,
 Карай прешупницу, кошѣ разѣ будь справедливѣ.

Г У С М А Н Ъ.

Такѣ презираешѣ шы послѣднія пощады
 Щедроты, сдѣланной противѣ швоей досады?
 Но пребуешѣ шого; такѣ жди свсшхѣ шы бѣдѣ:
 Тебѣ гшова казнѣ; совѣспникѣ мой умрешѣ.

Вы спражи!

А Л Ъ З И Р А.

Ахъ, тиранъ!

А Л Ъ В А Р Ъ.

Что хочешь, сынъ любезный?

Щедрымъ чти его, чти рокъ его ты слезный.
 Въ какую бездну злобъ поверженъ я въ сей часъ!
 Я одному даяъ жизньъ, другой ее мнѣ спасъ.
 Сыны мои! сикъ словъ вы нѣжность ощушите,
 И древнось вы отца несчастнаго почитите.

Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е

А Л Ъ В А Р Ъ, Г У С М А Н Ъ, А Л Ъ З И Р А, З А М О Р Ъ, Д О Н Ъ
 А Л О Н Ъ (ишпанскій офицеръ).

А Л О Н Ъ.

Иди, о Государь! повелѣвай ты намъ,
 Съ оружіемъ шма враговъ несеная по полямъ.
 Они къ спѣнамъ идушъ, и имя ихъ Замора.
 Есть грозный вопль еще къ ихъ умноженью сбера:
 Священно имъ сіе на воздухъ има мчась,
 Воинска шума ихъ сугубитъ дикій гласъ.
 Отъ ихъ злыхъ щиповъ земля пускаетъ споны,
 И эхо въ небесахъ швердитъ ихъ крика звоны.
 Спѣсися опрядами, хранишъ въ хожденьи спрой,
 И въ новомъ имъ идушъ распоряженьи въ бой.
 Народъ сей, прежде бывъ земли шоль бремя тусно,
 Намъ шципсе подражатъ вестн войну искусно.

Г У С М А Н Ъ.

Пойдемъ, коль должно такъ, квимся въ ихъ очахъ;
 Ты узришь скоро ихъ преобращенныхъ въ прахъ.

Каспильски воины! даны побѣдѣ вамъ правы;
Сей созданъ свѣшъ для васъ, вы созданы для славы;
Онъ создаиъ узы несшъ, робѣшъ и вамъ служишъ.

ЗАМОРЪ.

Подобный смертный мнѣ, какъ! намъ рабамъ жишъ?

ГУСМАНЪ (*Войнамъ*).

Влекише.

ЗАМОРЪ.

Смѣешь ли, пворецъ невинныхъ спону,
Ты смѣешь ли казнишъ за праву оборону?

(*Гишпанцамъ, его окружающимъ*)

Иль боги вы, не льзя на коихъ возсшавашъ?
И пьющихъ нашу кровь васъ должноль призывашъ?

ГУСМАНЪ.

Покорсшвуй.

АЛЬЗИРА.

Государь.

АЛЬВАРЪ.

Въ свирѣспшвѣ гнѣва жара
Помысли хопшъ, мой сынъ, чпо спасъ Заморъ Альвара.

ГУСМАНЪ.

Я мыслю побѣдишъ, сему училъ шы самъ.
Просши, о Государь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АЛЬВАРЪ, АЛЬЗИРА.

АЛЬЗИРА, *становяся на колѣни.*

Паду къ швоимъ ногамъ.

За благоспи тебя чшу жертвою и сею;
Я первый разъ еще унизилась душою.

Свершай, о Государь, надъ горькимъ сердцемъ мещь,
За оскорбленную женой сыновню чещь.

На первый узлъ была отъ сердца я согласна:

Увы! могли бышь два раза въ жизни спрашна?

Заморъ былъ мой, Заморъ былъ мною и любимъ;

Онъ добродѣтеленъ, швой вѣкъ спасенъ былъ имъ.

Прости . . . смертельна грусть по всей разлилась кровя.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Храню къ тебѣ я долъ отеческой любви.

Жалка съ Заморомъ ты: тебѣ подпора я;

Но чпи священныя сего ты узы дня:

Не дай семейство зрѣшь мое въ ужасной долѣ,

Будь кровь, будь дщерь моя; нѣшь, не своя ты болѣ.

Такъ, былъ жестокъ Гусманъ, и мой пренещенъ духъ;

Но любилъ онъ тебя; онъ сынъ мой, швой

супругъ,

И можешъ къ швоему явишь онъ жалость взору.

А Л Ъ З И Р А.

Увы! почпо, почпо ты не отецъ Замору?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АЛЬВАРЪ, ГУСМАНЪ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Пощиися выгодѣ сихъ, мой сынъ, достойнымъ быть.
Ты могъ полпу враговъ и храброспъ побѣдишь;
Изъ всѣхъ опмспипелей печальной сей вселенны
Одни въ швоихъ цѣняхъ, другіе изпребленны.
Цѣны своихъ побѣдъ въ крови не обагряй,
Мой сынъ, ты благоспи ко славѣ приобщай.
А я хочу, подавъ симъ помощь побѣжденнымъ,
О ихъ рачисп дняхъ, опрадой бышь симъ бѣднымъ.
Помысли, что отецъ шелъ прозьбу принести,
Будь Хриспїяниномъ, Замора ты проспи.
Иль нравы не могу смягчипъ въ тебѣ суровы?
Иль не научишься сердецъ ты брашь въ оковы?

Г У С М А Н Ъ.

Ахъ! ты мнѣ изилъ. Постребуй жизнь мою;
Но яроспъ праведну дай мнѣ излишь свою:
Щади во мнѣ ты гнѣвъ, кошорымъ духъ спѣсняемъ.
Какъ мнѣ его проспишь? сей варваръ обожаемъ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Онъ жалокъ болѣе.

Г У С М А Н Ъ.

Онъ жалокъ! опче мой!

Пусть буду жалокъ такъ, я смерть почишу драгой.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Какъ! ты еще вмѣшилъ во чувствіяхъ гнѣвливыхъ
Желчь подозрѣнія, спраданіе ревнивыхъ?

Г У С М А Н Ъ.

Успа твои меня и въ ревности винатъ?

Какъ! праведный пошъ гнѣвъ, кошорымъ я объятъ,

Ту горьку мысль, спыдомъ и срамомъ опягченну,

Законну споль во мнѣ, шобой зрю осужденну!

Неушодимый спонъ не жалокъ мой шебъ?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Не сполько горести вмѣщай въ швоей судьбѣ;

Альзира чеснь хранишъ, суровство ей не нужно;

Твой долгъ ее смягчашъ, лаская ей наружно:

Правъ грубый оныхъ спранъ ей въ сердца въпечапльнѣ

Упоренъ силъ онъ, а ласкѣ покоренъ.

И крошость можешъ все надъ нашими сердцами.

Г У С М А Н Ъ.

Чшобъ я предъ гордыми ласкалъ ея красами?

Чшобъ радость на челѣ, обиду скрывъ, явилъ,

И благостию въ ней презрѣнье вновь родилъ?

Не долженъ ли бы ты, моей ревнуя чесни,

Не порицашъ меня, учаспивовашъ мнѣ въ мести?

Иль малъ пошъ спыдъ, что я взялъ узницу женой,

Свирѣлу, дерзоспну, надменну предо мной,

Кошорой сердце самъ подвласпно зрю другому,

Кошорую люблю къ несчастію презлому?

А Л Ь В А Р Ъ.

Раскаянья въ любви законной не имѣй:
 Старайся лишь о томъ, чинюбъ управляши ей.
 Все къ беззаконію влечешъ, что еси безмѣрно;
 Но обѣщай хоть по исполниши мнѣ вѣрно,
 Что ни на чемъ по томъ ты не рѣшишься часъ,
 Доколѣ словъ моихъ въ другой не примешъ разъ.

Г У С М А Н Ъ.

Въ чемъ предъ родителемъ сынъ можетъ опречаться?
 Хочу на время я опъ гнѣва воздержаться;
 Но впредъ мой горькій духъ не щисъ къ тому привесъ.

А Л Ь В А Р Ъ.

Я время лишь прошу.

(уходятъ)

Г У С М А Н Ъ *однѣ.*

Могуль оставишь месъ?
 Любишь, раскаясь, бышь приведеннымъ нынѣ
 Во ужасъ, ревновашъ Заморовой судьбинѣ,
 Кипо въ подлыхъ смертныхъ сихъ безвѣстныхъ намъ
рожденъ,
 Едвабъ былъ именемъ людскимъ у насъ почтенъ!
 Что зрю? о небеса!

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Г У С М А Н Ъ , А Л Ь З И Р А , Э М И Р А .

А Л Ь З И Р А .

Супругу пренесчастну,
 Жестокости пивсей и ревности подвласнну,
 Котора не могла любить себя и чинишь,

Жалѣя и гнѣвъ, пришла себя просишь.
 То слабость или нѣпѣ, я ничего не скрыла,
 Рекла, что сердце я другому посвятила;
 И искренность моя, сей пагубный мнѣ даръ,
 Когда Заморъ умрешъ, она свершишь ударъ.
 Дивись еще: жена имѣешъ дерзновење
 У мужа претовашъ любовнику прощенье.
 Хошь гордъ Гусманъ, жестокъ, какъ въ гнѣвѣ онъ ни
 швердъ;

Но мнила я, что онъ быць долженъ милосердъ.
 Я мнила, что герой, коль славъ онъ ревнуешъ,
 И шѣмъ ужъ гордъ, когда обидъ не наказуешъ:
 Такою благоспѣю удобнѣй насъ наѣнишь,
 Чѣмъ злапомъ всѣмъ сихъ мѣшъ Гишпанцевъ ослѣпишь.
 Такой премѣною души швоей суровой,
 Усилемъ шоль благимъ найдешъ во мнѣ духъ новой;
 Почпенье возрранишь и нѣжностъ шѣмъ мою,
 Усердіе (коль симъ любовь я замѣю).
 Просни . . . мялусь . . . но я за швердоспѣ опшѣчаю,
 Хоши и менѣе Гишпанокъ обѣщаю;
 Моглибъ шѣ истощишь заразы слезъ своихъ;
 Во мнѣ красотъ ихъ нѣшъ, во мнѣ нѣшъ свойшва ихъ.
 Творенье естествова, сей духъ коварешъ не знаешъ;
 Онъ, шщасъ теби смягчишь, шѣмъ болѣ раздражаешъ.
 Но наконецъ тебѣ оспалось испытать,
 Ляззаль сердце дикое щедротой обуздашь.

Г У С М А Н Ъ.

Коль добродѣтели такъ чпишь душой своею,
 Познай ихъ, шшобъ ишли законовъ ихъ спезею.
 Познай нашъ прежде нравъ, чѣмъ оный порицаешь.

Въ немъ долгъ швой; съ нимъ себя должна ты сображать.
 Долгъ первый, чшобы мысль была та погашенна,
 Копю ою еще въ очахъ моихъ ты плѣнна;
 Чшобъ больше чшисшь себя и въ вѣкъ названь не смѣнь
 Совмѣшника, нѣшшь силъ котораго шерѣшь;
 Зри первая въ помѣ спыдѣ, и ожидай безслова,
 Чшо месшь моя велишь для варвара виновна.
 Знай: мужъ швой, коего швой раздражаетъ спонъ,
 Прощаетъ колъ тебя, великодушенъ онъ.
 Не сполько я, какъ мнишь, рожденъ ожеспоченнымъ,
 И не тебѣ меня счипашь непреклоннымъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

А Л Ъ З И Р А, Э М И Р А.

Э М И Р А.

Свой нравъ онъ укропшь, плѣненъ швоей красою.

А Л Ъ З И Р А.

Плѣненъ; шакъ онъ ревнивъ: Заморъ погибнешъ мой.
 Прося Замору жизнь, его я умершала.
 Увы! я знала шо. Ты вѣрноль миѣ служила?
 Спасенъ ли ты его? и удалишсяль онъ?
 Уже ли спражъ его шобою обольщенъ?

Э М И Р А.

Имъ злато лесшноє взоръ спража ослѣцило,
 И вѣрность, миѣ повѣрь, съ рукой его купило.

А Л Ъ З И Р А.

Прокляшый сей мешаллъ, благодаря судьбамъ,
 Бываетъ не всегда погибелю намъ.
 Еще колеблешся? ахъ, не перый минушы!

Э М И Р А.

Но развѣ рѣшены Заморю казни люпы?
Или Альваровѣ гласѣ не значить ничего?
И наконецъ совѣшь

А Л Ъ З И Р А.

Но я спрашусь всего.

Ты зришь, сколь наглую имѣющъ власть пираны:
Такъ мыслящъ, что спраны сѣи для нихъ созданны,
Что проиѣ ихъ здѣсь; Заморѣ въ очахъ у сихъ владыкѣ,
Сколь ни прямой былъ Царь, ешь только бунтовщикѣ,
Совѣшь убійцѣ! Гусманѣ! народѣ, народѣ суровый!
Предупрежду ударѣ, онѣ вашихъ рукѣ готовый.
Сей воинѣ къ намѣ нейдетѣ: сколь долго медлитѣ онѣ!

Э М И Р А.

Немедленно Заморѣ имѣ будешъ приведенѣ,
И спражѣ уже къ нему въ темницу поспѣшаетѣ;
Нощь мракомѣ умыслѣ сей великѣй сокрываетѣ;
Убийствомѣ ушомьясь, въ крови попоплены,
Мучители земли всѣ сномѣ опятчены.

А Л Ъ З И Р А.

Пойдемѣ, да воинѣ насѣ къ темницѣ препроводитѣ
Ошверзешѣ ей врага; невинность да изходитѣ.

Э М И Р А.

Тебя онѣ предварилѣ; Цефана сѣ нимѣ въ сей часѣ.
Но ешьли кто нибудѣ во тѣмѣ увидитѣ васѣ,
Изчезнетѣ честь швол, и спыдѣ тебя погубитѣ

А Л Ъ З И Р А.

Мнѣ спыдѣ, коль измѣню тому, что сердце любитѣ.
Сѣ намѣ чужда честь, невѣдома никакѣ,

Есть добродѣтели единый лишь призракъ,
 Ко славѣ лишь любовь, совѣмъ не справедливость,
 Не къ преступленіямъ, къ упрекамъ боязливость;
 Я воснипалася во грубой сей сиротѣ,
 Чтобъ безъ сіянія чпнуть добродѣтель мнѣ.
 Честь въ сердцѣ у меня; она повелѣваетъ
 Героя спасать, кого и небо оспавляетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АЛЬЗИРА, ЗАМОРЪ, ЭМИРА, ВОИНЪ.

А Л Ъ З И Р А.

Тираны въ торжествѣ, спасенья не найдешь,
 Тебѣ гогова казнь; бѣги, или умрешь.
 Поди съ симъ воиномъ, не прашь часы удобны;
 Обманемъ сихъ убійцъ мы упованья злобны.
 Ты зришь опчаянье, ты зришь мою напась.
 Отъ смерти долженъ ты любовника мнѣ спась,
 Супруга отъ злодѣйствъ, сей мѣръ отъ пока слезна.
 Америка тебя зоветь; ночь въ томъ полезна;
 Жалѣй себя, а мнѣ ничто моя судьба.

З А М О Р Ъ.

Жена невѣрнаго, пиратова раба,
 Меня ты споль любя, мнѣ жить велишь спасться?
 Покоренъ; но со мной осмѣлишьсяль скипаться?
 Безъ прона, помощи, въ лютойшей долѣ сей
 Не дамъ тебѣ опричь я сердца и степей.
 Я прежде повергалъ къ ногамъ твоимъ перфиру.

А Л Ъ З И Р А.

Что еѣ ней мнѣ безъ тебя? лишь ты прельщаль Альзиру.
 И что въ сравненіи тебя сей подлый съѣмъ?

Душа моя въ степяхъ поидетъ шебѣ во слѣдѣ.
 Одна хочу я здѣсь во ужасѣ, въ мученьи
 И въ жалобахъ спенашъ, и винують въ огорченьи,
 Умреть въ раскаяньи, что клипву я гублю,
 Что больше не швой, что я шебя люблю.
 Спунай, возьми мой вѣкъ и счастье съ собою;
 Ославъ мнѣ ужасъ неспѣ въ пріятномъ долгѣ мною.
 Любовника и честь должна я вдругъ спасти;
 Священны оба мнѣ, хочу ихъ соблюсти.

ЗАМОРЪ.

И честь! какаяжъ честь шодико неизвѣстна?
 Какая шмитѣ швой взоръ мечпа Европы леспна?
 Какъ! клятва спрашная, что днесъ шебѣ дана,
 И Христіанскій храмъ, кой ты презрѣшь должна,
 И Богъ, сей Богъ боговъ опеческихъ попрашеть,
 Разшоргли насъ съ шобой, шебѣ данъ обладашеть?

АЛЬЗИРА.

Комубъ ни присягла, шого не разбирай.

ЗАМОРЪ.

Твоя присяга грѣхъ, погибель мнѣ; прощай.
 Погибни швой обѣщъ, и сей мнѣ Богъ несносный!

АЛЬЗИРА.

Посшой, Заморъ, посшой! о часъ разлуки злоспный!

ЗАМОРЪ.

Гусманъ швой мужъ.

АЛЬЗИРА.

Жалѣй, Альзирѣ не грубя.

ЗАМОРЪ.

Вспомни первый узлъ.

А Л Ъ З И Р А.

Я помню лишь тебя.

З А М О Р Ъ.

Нѣтъ, нѣтъ жестокая, ты рушишь данно слово.

А Л Ъ З И Р А.

Нѣтъ, ты мнѣ вѣчно милъ; и вотъ злодѣйство ново:

Дай мнѣ умрешь одной, не буди въ сихъ мѣстахъ.

Какой ужасный гнѣвъ горитъ въ твоихъ очахъ!

Заморъ

З А М О Р Ъ.

Свершилося.

А Л Ъ З И Р А.

Куда?

З А М О Р Ъ.

Надѣюсь смѣло

Лвишь достойное изъ сей свободы дѣло.

А Л Ъ З И Р А.

Умру, коль ты умрешь; не сомнѣвайся въ томъ.

З А М О Р Ъ.

Какъ можешь спрасить мѣшать съ ужаснымъ симъ ча-
сомъ?

Оставь: насталъ ужь день и время послѣдуетъ;

(къ Воину)

Пойдемъ.

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

А Л Ъ З И Р А, Э М И Р А.

А Л Ъ З И Р А.

Лишаюсь силъ, меня онъ оставляетъ:

Бѣжитъ, что дѣлать мнѣ? О страшный часъ и злой!

Гусманъ! — какъ, для себя Заморъ оставленъ мной! —
 Слѣши, лепи за нимъ и возвратись съ отвѣтомъ,
 Безъ опасеньяль онъ, иль мнѣ распашься съ свѣтомъ.
 Извѣдай, вѣренъ ли сей воинъ, или нѣтъ.

(Эмира уводитъ.)

Предчувство мрачное мнѣ помно сердце рветъ;
 Жестокій день, и день конечно мнѣ опасный!
 О Боже Христіянъ всеильный и ужасный!
 Слаба въ законѣ я. Опъ высоты небесъ
 Едва рука Твоя мракъ гонитъ опъ очесъ.
 Когда я днесъ Твоя, и спрасью преспушила,
 Да сердцу бѣдну мспитъ Твоя нещадно сила.
 О Боже! средь степей Замора Ты сокрой;
 Ужель Ты шокмо Богъ вселенныя другой?
 Европы ли одной Тебѣ пріятенъ житель?
 Иль міра Ты опецъ, другова Ты мучитель?
 И плѣнникъ, и герой, изъ слабыхъ смертныхъ сихъ
 Безъ исключенья всѣ шворенье рукъ Твоихъ
 Какая слухъ разитъ превога преужасна!
 Заморъ, кричатъ: о рокъ! обмануша несчастна!
 Сугубятъ крикъ, идутъ: увы! погибъ Заморъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

А Л Ъ З И Р А, Э М И Р А.

А Л Ъ З И Р А.

Эмира! пы ли здѣсь? чѣмъ пораженъ твоя взоръ?
 Рѣши изъ жалости сомнѣніе мяшежно.

Э М И Р А.

Ужь нѣтъ надежды намъ: погибъ онъ неизбѣжно.

Въ доспѣхи воина чело свое сокрылъ,
 Копорый велѣ его; онѣ руку воружилъ,
 И удалился; а воинѣ вмигѣ сокрылся.
 Любовникѣ швой въ черпогѣ бѣжалъ, лешѣлъ, спре-
 мился;

Тренеща, прохожу я съ нимѣ враговѣ весь сонмѣ,
 Иду между убійцѣ, въ крови покрышыхѣ сномѣ,
 Межѣ шѣлъ, средѣ ужаса молчанія ноцнова.
 Въ черпогѣ Гусмановѣ зрю его войши гогоза;
 Вопще звала его чрезѣ рѣчь и знаки глазѣ:
 Онѣ не былѣ зримѣ, и вдругѣ возспалѣ ужасный гласѣ;
 Кричатѣ: рази! спѣшатѣ, лепятѣ вооружитѣся.
 Бѣги волненій сикѣ, спарайся удалишься,
 Бѣги отсель.

А Л Ъ З И Р А.

Кѣ нему на помощь я бѣгу.

Э М И Р А.

Что можешь ты? увы!

А Л Ъ З И Р А.

Я умереть могу.

Я В Л Е Н І Е С Е Д Ъ М О Е.

А Л Ъ З И Р А, Э М И Р А, Д О Н Ъ А Л О Н З Ъ, В О И Н Ъ.

А Л О Н З Ъ.

Мѣ тайный данѣ приказѣ, чтобы ты шла со мною.

А Л Ъ З И Р А.

Что, варварѣ, ты сказалѣ? какой грозинѣ судьбою?
 Бѣщай, что спалѣ Заморѣ?

А Л О Н З Ъ.

Въ ужасный оный часъ

Могу лишь возвѣстицъ спрожайшій сей приказъ,
Чтобы ты шла.

А Л Ъ З И Р А.

О рокъ! о мечь неизреченна!

Жестокій! я еще на смерть не осуждена?

Замора нѣтъ уже! подъ игомъ я желѣзь!

Ты спонешь, и твои глаза льютъ токи слезъ!

Ужель ихъ варварство смягчатъ мои напасти?

Пойдемъ, коль мнѣ умреть; легко послушна власи.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АЛЬЗИРА, ВОИНЫ.

А Л Ъ З И Р А.

Гоповыль вы скончашъ мой вѣлюбныхъ казняхъ вѣкъ,
Тираны, мнящи бысть судьями челоуѣкъ?
Иль мучите мени превогой шой ужасной,
Чпо знашь я не могу судьбы своей злощасливой?
Я вѣ заключеніи, подѣ спражу опдана,
Не знаюшъ, живъ ли я, иль умереть должна.
Замора нареку, и спражи поблѣдибюшъ,
То имя все мяшешъ, чудовищи хладбюшъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МОНТЕЗЪ, АЛЬЗИРА.

А Л Ъ З И Р А.

Увы!

М О Н Т Е З Ъ.

Вѣ какія насъ повергла шы бѣды?

Вотъ страсти швоея прокляшыя плоды.

Увы! когда Заморъ былъ нашихъ прозьбъ виною,

Альваръ благоволилъ еще вѣщашъ со мною;

Внезапно предшвешъ предѣ нашъ памѣ воишъ взоръ,

Неисшовъ, изступленъ, шо самъ предсталъ Заморъ.

Притворшивомъ симъ обманъ воздѣйствовалъ надъ нами.
 Лишь мечъ въ его рукѣ блеснулъ миѣ предъ очами.
 Вспушилъ онъ, къ намъ лешѣлъ, Гусмана онъ достигъ,
 Напалъ и поразилъ, то былъ единый мигъ.
 Кровь мужа своего Альвара окропила,
 Заморова погнѣхъ пушѣ яроснѣ опспушила;
 Онъ предъ Альваромъ палъ спокоенъ и смиренъ,
 Мечъ далъ опцу въ крови сыновней обатренъ:
 Чшо должно, сдѣлалъ я, онъ рекъ, опмспилъ досаду;
 Твой дѣлай долгъ, опмщай, дай крови шѣмъ награду.
 Тогда простершиися ждешъ казни въ сей винѣ.
 Опецъ окровавленъ повергся въ руки миѣ;
 Возспало все, бѣгутъ, подходятъ, восклицаютъ,
 Лешяшъ къ Гусману всѣ, и жизнь ему спасающъ,
 Оспановляющъ кровь, упопробляющъ къ ней
 Искусство, найдено для сохраненья дней.
 На жизнь швою возспалъ всѣхъ вопль единогласной.
 Убійства онаго шебя мняшъ бышь причаспной

А Л Ъ З И Р А.

Ты могъ! . . .

М О Н Т Е З Ъ.

Нѣшъ, нѣшъ, сему не можешь бышь вина:
 Къ такимъ грѣхамъ швоя душа не создана;
 Способна къ слабости, къ злодѣйству не рожденна,
 При краѣ бездны шы спояла ослѣпленна.
 Желая вѣришь такъ, и убѣждаюсь симъ;
 Но мужъ швой умерщвленъ любовникомъ швоимъ;
 А шы чрезъ то себя суду ихъ подвергаешь,
 Среди ужасныхъ мукъ въ безчестьи вѣкъ скончаешь:
 Съ послѣднимъ щцаніемъ идетъ швой въ судъ опецъ,
 Жизнь изпросишь шебѣ и дней моихъ конецъ.

А Л Ъ З И Р А.

Мнѣ жизнь! оиѣ варваровѣ! просишь ихѣ! мой роди-
тель!

Живи, люби меня, сей прозѣбы будь хранитель.

Мнѣ жалосивнѣ Гусманѣ, сурова часшь его;

Но жалосивнѣе шѣмѣ, что силлѣ онѣ шого.

Лишь оскорбленіе Заморѣ ошмсилѣ несносно,

Мнѣ мужество его не хвально, ни поносно.

Спасала я его, шого я не шаю.

Заморѣ умрелѣ, брегись ты жизнь спасши мою.

М О Н Т Е З Ъ.

О небо! облетчи мою ты учасшь бѣдну.

(уходитѣ)

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

А Л Ъ З И Р А (одна).

О небо! уничтожь Альзиры жизнь зловредну.

Какѣ! Богѣ мой помощи не шлетѣ мнѣ никакой!

Онѣ мнѣ прешитѣ мой вѣкѣ пресѣчь моей рукой.

Ахѣ! опреклась боговѣ, которыхѣ щедро свойство

Мнѣ позволяло смерть; смерть мнѣ одно спокойство.

Увы! какой предѣ симѣ ревнивымѣ Богомѣ грѣхѣ,

Чтобѣ ускорить часомѣ, назначеннымѣ для всѣхѣ?

Изѣ чаши горести вѣ напасшь неушолиму

Должналь я медли пить оправу неспершиму?

Сей гнусный, смершный прахѣ уже ли шакѣ священѣ,

Что духѣ живиць его оспавишь воспященѣ?

Иль шѣмѣ, которые громами воруженны,

Права ужасны свѣшѣ опустошашъ врученны,

Рвать сердце у меня? искоренишь мой родъ?
 А я бы не могла и свой пресѣчь живошъ?
 И надъ собой дашь власть душѣ неустрашенной,
 Какую тебѣ даюшъ свирѣлству надъ вселенной?
 Заморѣ скончаешъ вѣкъ въ ужасныхъ мукахъ днесъ.
 О варвары!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЗАМОРЪ (въ цѣпяхъ), АЛЬЗИРА, ВОИНЫ.

ЗАМОРЪ.

Умреть обѣимъ должно здѣсь.

Подъ спрашнымъ образомъ ихъ испины неправой
 На казни осудилъ шебя совѣшъ кровавой.
 Гусманъ еще живешъ; въ опчаяны моемъ
 Нешвердый далъ ударъ я въ грудь его мечемъ.
 Живешъ онъ, чшобъ свершишь все бѣдснва надо мною;
 Умрешъ онъ, весь покрыишь мнѣ кровію драгою;
 Погибнемъ вмѣстѣ мы, какъ будетъ издыхашъ;
 Онъ будетъ радости еще злыхъ душъ вкушашъ.
 Мы отъ Альварова услышимъ здѣсь отвѣта
 Гнуснѣйшій приговоръ свирѣлаго совѣта:
 Ты гибнешъ за меня, и умираешъ мной.

АЛЬЗИРА.

Преспанъ, я не ропщу; сама умру съ тобой.
 Довольно, любишь ты; хвали мою судьбину,
 Хвали ударъ презлой, чѣмъ узы брачны скину;
 Сей часъ есть часъ единъ, когда мнѣ смерть вкусишь,
 Чшобъ безъ раскаянья еще шебя любишь.
 Свободна казню, себѣ опять врученна;

И все себя вѣрна, побой до гроба плѣнна.
 То мѣсто, кое въ казнь уготовляюшъ намъ,
 Есть храмъ, гдѣ я себя мой первый жаръ опдамъ;
 Я шамъ-шо мой порокъ очищу принужденной
 Невѣрности, себя Альзирою явленной.
 Всего мучительнѣй въ сей бѣдственной судьбѣ
 Изъ устъ Альваровыхъ намъ слышатъ смерть себя.

ЗАМОРЪ.

Увы! се онъ, и зракъ его покрышъ слезами?

АЛЬЗИРА.

О небо! кто изъ прехъ насъ превозшелъ бѣдами?
 И сколько собрала судьба несчастныхъ здѣсь!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

АЛЬЗИРА, ЗАМОРЪ, АЛЬВАРЪ, ВОИНЫ.

ЗАМОРЪ.

Жду смерти опъ себя, такъ хочешъ небо днесь.
 Ты долженъ мнѣ изречь рѣшенъе положенно:
 Вѣщай мнѣ такъ, какъ я внимаю, несмущенно.
 Предай безъ пренеша гошовыхъ въ жертву мукъ,
 Кѣмъ сынъ швой умерщвленъ, и кшо Альвару другъ.
 Но въ чемъ ея вина? какая движешъ злоба
 Твой духъ, невинную во мракъ повергнушъ гроба?
 Гишпанцы наконецъ въ себя свой влили ядъ.
 Уже ли несправеднымъ швой мщенъемъ духъ обьяшъ?
 Священной крѣпостью въ насъ бывъ одинъ извѣстнымъ,
 Ты славно имя мнишь опвергнушъ быши честнымъ?
 Невинну кровь прольешъ рукою швы своей.

А Л Ъ Э И Р А.

Опмщай за сына пы, сомнѣнье лишь разсѣй.
 Гусману и жена, довольно къ увѣренью,
 Чшо не къ измѣнѣ я, къ егобѣ шла защищенью.
 Твой сынѣ былѣ мною чшимѣ; спирадающій духѣ мой,
 И не перпя его, хранилѣ къ нему долѣ свой.
 Меня швой хвалишѣ ли народѣ иль осуждаешѣ,
 Миѣ славу мысль швоя едина ушверждаетѣ.
 Опѣ сердца швоего почтенна предѣ концемѣ,
 Я презираю все, не мышлю ни о чемѣ.
 Заморѣ умрешѣ, и миѣ назначена кончина;
 Вошѣ все, чего я жду; пы слезѣ моихѣ причина.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Колико ужаса и жалоспи вѣ сей день!
 Убийца сына пошѣ, родителѣ къѣмѣ спасенѣ.
 Заморѣ! . . . пы спасѣ мой вѣкѣ шоль нынѣ миѣ неспосный;
 Я дорого шебѣ плачу за дарѣ сей злоспный
 Такѣ, я опецѣ; но я и человекѣ; швой гнѣвѣ
 И крови гласѣ, ко миѣ зывающій, презрѣвѣ,
 Который мстишѣ велишѣ тогда какѣ чувствва стонунѣ,
 Щедропы швоея еще я гласомѣ шронунѣ.
 А пы миѣ бывша дщерѣ, копорую вѣ бѣдахѣ
 Зову я именемѣ, насѣ мучащимѣ вѣ слезахѣ!
 Нѣшѣ, швой опецѣ не шполь свирѣлымѣ вѣ свѣшѣ ро-
 дился,
 Чшобѣ вѣ гореспи своей опмщеньемѣ веселился.
 Лишашся живота всѣ чрезѣ ударѣ единѣ,
 И мой избавителѣ, и дщерѣ мой, и сынѣ.
 Совѣшѣ васѣ осудилѣ; онѣ гнѣвомѣ къ вамѣ пылаешѣ,
 И мщеніи мечемѣ Альвара воружаетѣ.

Исполнишь по рука моя не опречлаеь
 Исполню по, чшобѣ шѣмѣ спасши обѣихѣ васѣ.
 Заморѣ, шы можешь все.

ЗАМОРЪ.

Вѣщай, открой дорогу

Спасши ее.

АЛЬВАРЪ.

Вѣ меня вдыхающу вѣрь Богу.
 Единымѣ словомѣ свой, ея премѣнишь спонѣ;
 Кшо Христїянинѣ спалѣ, прощаетѣ шѣхѣ законѣ.
 Законѣ сей, ревностью предписанный свяшою,
 Миѣ мнишся, для швоей днесѣ пользы данѣ судьбою.
 Творецѣ, Который намѣ прощати самѣ велишѣ,
 При насѣ шебя своимѣ покровомѣ осѣнитѣ.
 Гишпанцовѣ люшоспѣ симѣ пребудешѣ укрощенна;
 Твоя естѣ кровь для нихѣ кровь брашня и священна;
 И стрѣлы месши вѣ ихѣ рукахѣ ошановисѣ,
 Не обратшисѣ ужѣ сѣ Альзирою на васѣ.
 За жизнь швою, ея опшѣшсшвую не ложно;
 Заморѣ, лишь отѣ шебя сіе приняшѣ миѣ должно.
 Не будь неумолимѣ на мой шы слабый гласѣ;
 Я буду жизнь имѣшѣ вѣ другой шобою разѣ.
 Жестокїй, у меня за кровь, шобой опшѣшу,
 Живи; сего ошецѣ несчастный ждешѣ вѣ ошплату.
 Будь Христїяниномѣ, цѣной сей замѣни
 Кровь сына моего, швои, Альзиры дни.

ЗАМОРЪ.

Альзира! до шоволь сѣ шобой намѣ жизнь безцѣнна?
 Иль будешѣ жизнь сія безчештвемѣ обрѣшенна?
 Иль я могу богамѣ ихѣ Бога предпочшисѣ?

(Альвару)

А ты уже ли мнишь жесточе сына бышь?
 Ты хочешь смерти ей, иль чшобъ былъ я предатель?
 Увы! какъ я швоей былъ жизни обладатель,
 Когдабъ смислалъ швой вѣкъ шоль низкой я дѣны,
 Скажи, опвергъ либъ ты боговъ своей сшраны?

А Л Ъ В А Р Ъ.

Я по же дѣлалъ бы, въ чемъ нынѣ упражняюсь.
 Творца бы умолилъ, Кому я поклоняюсь,
 Такое, какъ швое, чшобъ сердце призилаъ Онъ,
 Достойно Христiянъ, сколь ты ни ослѣпленъ.

З А М О Р Ъ.

О коль неслыханны и казнь и муки спроги!
 Какое зло избрашь я долженъ нынѣ, боги!

(къ Альзирѣ)

Тебиль спасу, или боговъ опвергну я?
 Дерзнувъ меня любить, будь въ шомъ и судiя.
 Вручаюся тебѣ, надежда льстивъ Заморю,
 Чшо не захочешь ты привесшь его къ позору.

А Л Ъ З И Р А.

Внемли: ты знаешь, какъ отецъ мой въ злой судьбѣ
 Располагалъ душой врученною тебѣ;
 Имъ возирiяшый Богъ спалъ возпрiяиъ и мною;
 Чши заблужденъя по иль младоспи виною:
 Но вѣрой Христiянъ плѣненный разумъ мой
 Въ ней зрѣлаъ, иль чалаъ онъ въ ней зрѣшь законъ
 свяшой.

Уста мои боговъ сего опвергли мiра;
 Въ шомъ внушренно себя не обвиниъ Альзира.

Но опрещись боговъ, копорыхъ сердцемъ чшатъ,
 Не заблужденіе, но подла сердца ядъ,
 Подъ лицемъріемъ измѣна сокровенна
 Для бога избранна, и бога опрѣшенна,
 Ложь предъ вселенною, предъ небомъ и собой:
 Умремъ; но при концѣ почпенъ ты буди мной;
 И естльи новый лучъ тебя не озаряетъ,
 Гласъ совѣсни внемли, она тебѣ вѣщаетъ.

ЗАМОРЪ.

Предвидѣль твой опвѣстъ: такъ лучше мнѣ не жить,
 И умереть съ тобой, чѣмъ вѣкъ безчестнымъ быть.

АЛЬВАРЪ.

Жестокіе! такъ вы къ погибели бѣжите!
 Щедроты моя принявъ вы не хошите.
 Внемлите жалкій вопль, оспался мигъ единъ....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АЛЬВАРЪ, ЗАМОРЪ, АЛЬЗИРА, АЛОНЗЪ,
 АМЕРИКАНЦЫ, ГИШПАНЦЫ.

АЛОНЗЪ.

Ведется предъ тебя несчастливый твой сынъ.
 Онъ, Государь, въ твоихъ рукахъ умереть желаетъ.
 И родъ вокругъ его толпясь себя спѣсняетъ,
 И изъ любви къ нему узрѣши онъ годовъ
 Жены Гусмановой и съ ней убійцы кровь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

АЛЬВАРЪ, ГУСМАНЪ, ЗАМОРЪ, АЛЬЗИРА, АМЕРИКАНЦЫ, ВОИНЫ.

ЗАМОРЪ.

Тираны! дайте смерть, Альзире лишь спасите.

АЛЬЗИРА.

Нѣтъ, лютой смертью насъ всѣхъ прехъ соедините.

АЛЬВАРЪ.

Мой сынъ кончается! несносная напасть!

ЗАМОРЪ.

(Гусману)

Ты хочешь до конца просперть жестоку власть?
Доколѣ живѣ, лей кровь, насыпь шѣмъ жадность взора.
Учися умирашь, взирая на Замора.

ГУСМАНЪ.

(Замору)

Инымъ достоинствамъ хочу себя учить,
Иной примѣръ тебѣ я долженъ здѣсь явить.

(Альвару)

Оперсчена мнѣ смерть, посланна небесами,
Да предъ твоими днесъ предъстну я очами.
Лепяща вонѣ душа въ сей смертной мнѣ судьбѣ
Сдержалася; но съ шѣмъ, чшобѣ подражать тебѣ;
Умру, низпалъ покровѣ, мнѣ новый лучъ блиснеламѣ.
При краѣ дней себя Гусманѣ лишь познавешѣ.
По самый оный часѣ, когда иду во гробѣ,
Томились смертные моихъ подѣ игомѣ злобѣ;

Опмстилъ за землю Богъ; Онъ свящъ, и я собою
 Не заплачу за кровь, пролишу сей рукою.
 Я счастьемъ былъ мраченъ, гробъ свѣщъ опкрылъ уму;
 Кѣмъ Богъ меня сразилъ, прощаю я тому.
 Одинъ владѣю я, какъ сей владѣлъ спраною,
 Одинъ могу прощашъ; Заморъ, прощенъ ны мною.
 Живи, надменный врагъ, будь воленъ, зизъ, какой
 Конецъ для Христїанъ и оныхъ долгъ прямой.
*(Монтезу, бросающемуся къ его ногамъ, и Амери-
 канцамъ)*

Вземли, Монтезъ, и вы, бывъ жершвою моею:
 Жеспокость и покрылъ щедропою своею.
 Внушите здѣсь Царямъ, спранамъ внушите симъ,
 Что право Христїанъ давать законы имъ.

(Замору)

Зри разношь ны въ богахъ, предъ кѣмъ шворимъ слу-
 женье.

Твои велящъ тебѣ убійство и опмщенье;
 Мой Богъ въ шощъ часъ, когда Заморъ меня разищъ,
 Жалѣшь, прощашъ, любишь Замора миѣ велищъ.

А Л Ъ В А Р Ъ.

Мой сынъ, ны споль же благъ, сколь въ смершномъ
 бодръ мученьи.

А Л Ъ З И Р А.

Коль чудный оборотъ! какія изреченьи!

З А М О Р Ъ.

Такъ хочешь и меня къ раскаянью привлечь?

Г У С М А Н Ъ.

Еще хочу къ себѣ швою любовь возжень.

Альзира бѣдная вела дни въ жизни мрачны;

Тому виной мой свирѣпость, узы брачны.

Еручаю хладною шебѣ ея рукой.

Живи, не злобствуй своею правь спраной,

Опдай спѣнамѣ своимѣ пы славу разореннымѣ,

Коль можешь, имя чпи мое благословеннымѣ.

(Альвэру)

Пребуди пы опцемѣ чепы счастливой сей,

И въ души ихѣ небесѣ сянне пролей.

Коль свѣшомѣ Християнѣ душа его обяна,

Заморѣ швой сынѣ; швоя награждена въ немѣ шрапта.

ЗАМОРЪ.

Милуся, недвижимѣ, окамененѣ, смущенѣ:

Столь Християнинѣ благѣ, храня прямой законѣ?

Законѣ, кой требуетѣ усилія столь многа,

Я вѣрю, сей законѣ опѣ самаго данѣ Бога.

Хоть вѣрность, дружество и швердость я хранилѣ;

Но такѣ великій духѣ моихѣ превыше силѣ.

Обремененѣ я имѣ, и имѣ я восхищаюсь,

Люблю, и чпу себя, и месшю гнушаюсь.

(бросается къ его ногамѣ)

АЛЬЗИРА.

Паду къ швоимѣ ногамѣ спыдающаяся себя.

Я въ сей бы часѣ умреть желала за себя;

Между побой и имѣ душа моя дѣлима;

Раскаяннемѣ, шоской шерзаема, помима,

Злодѣйкой чпу себя, и думѣ печальныхѣ мрамѣ

ГУСМАНЪ.

Я все прощаю вамѣ, въ слезахѣ вашѣ видя зракѣ.

послѣдній разѣ ко мнѣ приближься, мой родимель;

машпливы дни, ей буди покровишель.

(Замосу)

Будь Христіаниномъ; доволенъ кончу вѣкъ.

А Л Ь В А Р Ъ.

(Монтезу)

Зрю Божій перстѣ въ бѣдахъ, что рокъ на насъ на-
влекъ.Опчаянный мой духъ ко Богу прибѣгаетъ,
Который насъ казнилъ, и купно насъ прощаетъ.

К О Н Е Ц Ъ.

33511

